Хроники одинокой вселенной

книга первая

Даниил Кузнецов

18+

Даниил Кузнецов

Хроники одинокой вселенной.Том 1.Туман

«Автор»
2026

Кузнецов Д.

Хроники одинокой вселенной.Том 1.Туман / Д. Кузнецов — «Автор», 2026

Что делать, если привычный город растаял в сером тумане, а ты оказался в странном месте без окон и дверей? Семёну придется принять новые правила игры. Загадочный наставник, три остроухих волчонка и первые уроки по управлению временем — это лишь самое начало пути.На Земле ему всегда всё давалось слишком легко, и новый мир не стал исключением. Чужая реальность и непонятные законы не пугают Семёна, а лишь бросают вызов его интеллекту. Он играючи осваивает сложнейшие навыки и почти не встречает преград. Семёну суждено обрести абсолютное могущество, но главный вопрос в другом: какой будет цена этой силы и готов ли он ее заплатить?

© Кузнецов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Посвящается 6
Пролог 7
ТУМАН 10
книга первая 10
Глава 1 11
Глава 2 21
Глава 3 34
Гл 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Хроники одинокой вселенной.Том 1.Туман

Посвящается
Терри Гудкайнду

Пролог

Грандиозный зал купался в ровном свете огромных ламп. За окном мерцали звёзды, а на артефактах и голографических проекциях вдоль стен вспыхивали и гасли причудливые тени. Тишина стояла такая, что её хотелось потрогать; нарушал её лишь отдалённый гул подготовительных систем, похожий на шёпот старых машин.

По углам и вдоль стен стояли деревья в кадках, высокие, с толстыми стволами и тёмной кроной, что шевелилась под струями воздуха. В центре зала лежали три плоских камня, а между ними поднимались три невысоких ствола с бледными, чуть светящимися листьями. Кто-то из ассистентов, проходя, поправил сбитую ветку, и листья качнулись.

В центре зала, на вынесенной далеко вперёд смотровой площадке, что висела посреди стекла, как хрупкий капитанский мостик, стоял высокий мужчина в строгом синем жакете с золотой эмблемой Межгалактического института естествознания. Седые виски, пронзительно-голубые глаза, в которых стояла усталость от бесконечных споров. Он держался за поручни, переминался с пятки на носок и не отрываясь смотрел вниз.

Его внимание держала изолированная платформа с креслами участников, где суетились ассистенты. Но сильнее притягивало то, что лежало за площадкой. Абсолютное ничто. Дышащая за прозрачным монолитом пустота открытого космоса, лишённая материи, клеток и структуры, без единой магической составляющей.

— Я понимаю, что всё уже давно решено, взвешено и утверждено всеми комиссиями. Но вопрос всё равно жжёт мне горло…

Мужчина умолк, приводя мысли в порядок.

— Действительно ли это необходимо? — наконец произнёс он, обращаясь в пустоту перед собой. — Ещё недавно, когда до пуска оставались годы, во всё это верилось с трудом: подготовка не вызывала опасений, дата казалась бесконечно далёкой. Но сейчас, когда остались минуты, тело объяла глухая, тянущая тревога, от которой перехватило дыхание.

Поправляя запонки, чьи позолоченные грани ловили холодные блики звёздного света, он топтался на месте, будто искал опору. В этот момент к нему подошёл президент «Нового союза» в безупречном чёрном костюме с серебристыми вставками; его худощавая фигура казалась ещё тоньше в лучах далёких туманностей, проникавших через стекло. Рядом, чуть позади, застыл главный аналитик, невысокий мужчина с острым взглядом и морщинами у глаз. Он то и дело пробегал пальцами по браслету на запястье, проверяя последние показатели, и словно пытался уловить малейшее отклонение.

— Вы знаете, сколько жизней сменил их предводитель? Или хоть кто-то из них? — директор обвёл рукой стекло, за которым дышал бездонный вакуум. Двигался он уверенно, но поджать губы до конца у него не получалось.

— Они не говорят, — ответил президент, и голос отскочил от сводчатого потолка площадки; эхо вернулось к нему самому.

— И правильно. Они никого не посвящают в детали процесса. Им не нужны наши советы, да, чёрт побери, им не нужно даже наше согласие. Если бы мы отвергли эксперимент, они спрятались бы где-то на краю вселенной, ушли бы к мёртвым звёздам, и мы бы ничего не смогли контролировать.

— Перестаньте тешить себя иллюзиями, вы и так ничего не контролируете, — в голосе президента звучали усталость и горечь.

— Пожалуй, тут вы правы, — директор пожал плечами, и лацканы жакета шевельнулись. — Да и как контролировать то, на чьё строительство ушли сотни лет? Нас даже не было, когда всё начиналось. Для своего финального исхода они внедрили в уже сформировавшуюся вселенную целую галактику! Перекроили её целиком, подчинили физику своим нуждам. И

ведь при этом не нарушили ни одного фундаментального закона, так что ни одна живая душа не пострадала! Они заселили колоссальную звёздную систему по своему усмотрению, но при всём своём могуществе не отказались проводить этот эксперимент под нашим, так сказать, присмотром. Никаких тайн, всё открыто, а мы при этом не знаем ничего! Поразительно… Я, действующий член Высшего совета, кавалер ордена Звёздного атласа, не последний человек в обществе и далеко не самый слабый маг и учёный своего поколения, стою здесь и смотрю на это, как ребёнок на чудо.

Директор замолчал, подбирая слова. За стеклом, в глубине зала, вспыхнул янтарный свет и очертил контуры мощных механизмов.

— Но даже мой разум пасует перед масштабом задуманного. Объём проделанной ими работы трудно охватить. Голова трещит от одних только цифр.

— Глупо было бы спорить, — тихо отозвался президент.

Там, внизу, на фоне пронзительной черноты вакуума, восемь глубоких кресел казались крошечными песчинками, брошенными на алтарь вечности. К ним тянулись провода, мерцавшие ровной голубизной, похожей на вены древнего механизма. В креслах полулежали участники эксперимента, неподвижные и сосредоточенные, опутанные паутиной тончайших светящихся нитей. Ассистенты в белых халатах с эмблемами института переглядывались и в последний раз проходили по спискам оборудования; двигались они точно и выверенно, но чувствовалось, какого труда им это стоит. Закончив, они спешили покинуть шлюзовые переходы платформы.

Президент перевёл взгляд на огромный голографический хронометр обратного отсчёта. Часы тикали вместе с сердцами присутствующих. Цифры пульсировали багровым.

— Главное, чтобы на наш век хватило стабильности вселенной. А там…

Неслышной, кошачьей походкой, словно скользя по воздуху, из тени коридора выступила глава Академии прикладных наук галактики Сим — Амелия Раст. От неё пахло мёдом и сухими свитками. Несмотря на возраст, она сохранила редкую красоту и безупречную фигуру. Серебристые волосы были собраны в строгий пучок, а тёмно-синее платье с голографическими узорами подчёркивало стройную талию. Амелия замерла у перил, заложив руки за спину; её тонкие пальцы нервно теребили браслет с древними символами, выдавая беспокойство.

— Триста лет они отсчитывали время назад, шаг за шагом приближая нас к этой секунде, к этому событию, — Амелия вынула руку из-за спины и указала на хронометр; багровые цифры отразились на её лице. — Осталось четыре минуты. Менять или что-то исправлять уже поздно. Да и к чему лукавить? Мы ведь всегда поддерживали их, абсолютно все. И я в том числе.

Она прищурилась и выпрямилась. Взгляд её скользил по приборам и то и дело возвращался к силуэту в центральном кресле.

— Я в него верю, — тихо, но твёрдо произнесла она. — Он со своей маленькой помощницей способен сотворить то, что задумал. Возможно, там, на той стороне, потратив сотни, если не тысячи новых перерождений и испытаний, ему наконец удастся полностью раскрыть потенциал своего мозга. Где-то в глубинах новой реальности он отыщет недостающие три целых две десятых процента, а она вдохнёт душу во всё, что способно мыслить.

К перилам подошли ещё несколько мужчин в официальных костюмах; их тени вытянулись в свете далёких звёзд. Лица были напряжены.

— А если этот взрыв сознания нас всех убьёт? Схлопнет пространство и уничтожит привычный мир? Что тогда? — голос прозвучал глухо.

Амелия даже не повернулась, чтобы узнать, кто задал этот тревожный вопрос. Ответа на него не было ни у неё, ни у лучших умов союза. Она тихо произнесла:

— Вы когда-нибудь перерождались, сохраняя полную память о прошлых жизнях? По-настоящему?

— В трёх последних воплощениях, — после долгой паузы отозвался один из стоявших у перил. — Но моя работа требовала этого. Мои прежние наработки… И он помог мне в этом.

— Так или иначе, он помогал многим. Давайте будем честны, он всем нам помог, — отрезала Амелия. — И если его план осуществится, а я верю, что у него всё получится, мы первыми узнаем цену этой победы.

— Они станут богами? — прозвучал испуганный шёпот из темноты. — А если результат окажется не таким, как мы ожидаем? Если исход будет чудовищным?

Директор института едва заметно качнул головой и выдохнул прямо в холодное стекло панорамного окна:

— Они не любят, когда их так называют.

— Да какая разница. Просто мы до ужаса боимся признать это вслух.

— Минута осталась, — проигнорировав чужие страхи, прошептала Амелия. Пальцы её сжались на поручне. — Как они всегда любят повторять: «Мы не боги, мы просто те, кто мы есть».

«Всё верно, Амелия. Не больше и не меньше. Мы всего лишь те, кто мы есть.»

Голос возник внезапно, прямо внутри её головы, минуя слух, чистый, прохладный, такой близкий. Она узнала бы его из миллиардов других. Это голос единственного человека, которого она любила больше всего во всей этой огромной, обречённой на ожидание вселенной. Это был Он. Она знала, что не сможет пойти за ним. Её биологический срок слишком короток, столько жизней ей не прожить. Но она пообещала себе оставаться с ним рядом каждую секунду, всю свою единственную жизнь. И он знал это. Память ожила, возвращая редкие, почти невесомые прикосновения его пальцев к её волосам, те мгновения тепла, которые он урывал у своей бесконечной работы. Он безмолвно ответил ей той же щемящей нежностью. Его присутствие ощущалось так близко, словно он стоял рядом, и все страхи отступили, уступая место тишине. И теперь, стоя на пороге неизведанного, Амелия знала главное. Она будет ждать его возвращения, сколько бы времени это ни заняло.

Абсолютная тишина окутала зал, словно саван. В этой тишине можно было услышать лишь бешеное биение сердец присутствующих, их сбитое дыхание и страх в голосах. Пустота за экспериментальной площадкой словно пульсировала, будто живое существо, готовое поглотить всю материю, весь свет, всю прошлую жизнь. В самых отдалённых уголках вселенной сто семьдесят два триллиона глаз были прикованы к приборам, показывающим обратный отсчёт. Каждый нерв, каждая клетка замерли в ожидании, в страхе, в надежде. Воздух стал густым, почти осязаемым, наполненным электричеством грядущих перемен, которые могли стать последними. Амелия почувствовала, как по её спине пробежал ледяной холодок, несмотря на тёплый воздух зала.

Вся вселенная замерла. Трёхсотлетнее ожидание подошло к концу.

Три… Металлические механизмы часов издали протяжный звук, и вспыхнул первый контур Источника, окрасив зал в багровые тона.

Два… Приборы пульсировали голубым, отсчитывая последние секунды привычного мира. Ослепительно белый свет залил площадку, стирая очертания систем.

Один… Всепоглощающая вспышка на миг ослепила вселенную, а затем приборы, смотровую площадку и сами звёзды стало стремительно и беззвучно затягивать серым туманом. Прошлое растворилось без остатка, дав начало новой легенде.

ТУМАН

книга первая

Глава 1

В начале мая питерский воздух ещё держал утреннюю колкую прохладу, хотя днём солнце уже пригревало. Я проснулся раньше будильника от вязкого чувства, что что-то пошло не так. В комнате стоял непривычный полумрак, а первые косые лучи в такое время обычно вовсю заливали подоконник. На ощупь добравшись до балкона, я с тихим скрежетом распахнул стеклянную дверь. Холодная белая дымка тут же коснулась лица, пахнув невской сыростью и прелой землёй.

Вдохнув поглубже, я шагнул на бетонные плиты и положил ладони на влажные, остывшие за ночь перила. Передо мной лежал аномально густой туман, накрывший город ещё с рассвета. Чёткие линии кирпичных многоэтажек растворялись в нём, как чужие мазки на недописанной картине. Пустырь внизу скрыло молочной пеленой целиком. А дальше, совсем вдалеке, сквозь неё начинали проступать невозможные силуэты, похожие на замки из старых легенд. Высокие башни, острые шпили, причудливые арки. Я усмехнулся этой игре воображения. В магию я не верил, считал её сказкой, которой нет места в мире строгих физических законов. Да и в другие измерения не верил тоже. Без твёрдых доказательств всё это оставалось выдумкой фантастов.

Лёгкое оцепенение прошло, и я вернулся в комнату. Замок за пустырём растаял так же быстро, как появился, а поддаваться утренней хандре в собственный день рождения не хотелось. Натянув спортивную форму и кроссовки, я вставил в уши наушники, включил любимый транс, и ровный бит сразу вытеснил из головы всё лишнее. Пробежка по изученному до метра маршруту была для меня такой же привычкой, как чистка зубов.

Моя утренняя дистанция была всегда одинаковой. Круг вокруг района я знал наизусть, до каждой выбоины на асфальте. К концу моего марафона лёгкие приятно жгло от прохладного воздуха, а мышцы налились хорошей усталостью. Вернувшись домой, я привычно скинул кроссовки у порога и первым делом отправился в ванную.

Горячие тугие струи душа смыли пот и окончательно вернули в реальность. На кухне я быстро собрал привычный завтрак, обычное топливо после бега. Заварил овсянку, сыпанул туда горсть черники с орехами, закинул на сковородку пару яиц и поджарил хлеб. Пока закипал кофе, я глянул на настенные часы. Времени до выхода оставалось с запасом, поэтому я машинально щёлкнул пультом, включая телевизор для фона.

Выпуски новостей я не любил и почти не смотрел. Глупо тратить время на то, на что ты не способен повлиять. Сидишь перед экраном, смотришь на чужие решения и ничего не можешь изменить. Куда больше меня привлекали каналы с фантастикой, научпопом или мистическими передачами. Там сказки открыто выдавали за реальность, и это было по-своему честно.

Я лениво перелистывал каналы, пока не наткнулся на очередной псевдодокументальный сюжет. Бодрый ведущий с заговорщицким видом вещал про тайны подземных цивилизаций и древние тоннели атлантов под Финским заливом. Потом заговорили об инопланетном коде в ДНК и загадочных «спящих» процентах мозга. Я снисходительно усмехнулся, слушая эти околонаучные байки, но следующий сюжет почему-то зацепил. Диктор с придыханием рассказывал о вещах, которых я раньше никогда не слышал, о скрытой стране под названием Трия, затерянной вне карт и времени, и о её загадочной принцессе. Тело девушки покрывали живые узоры в виде извивающихся змей, а рядом всегда находилась защитница с пугающим даром. Если принцессе грозила опасность, та мгновенно оборачивалась огромной чёрной пантерой.

Я хмыкнул и покачал головой. Авторы РЕН-ТВ явно превзошли сами себя. Хотя лукавить не буду, сказки я любил с детства. Живёшь в мире, где каждый год выпускают очередной гаджет, и поневоле привыкаешь смотреть на новинки равнодушно. Вчера они казались чудом, а сегодня лежат в кармане и никого не удивляют. А вот то, чего в природе точно не бывает,

цепляло по-настоящему. Допив кофе, я нажал кнопку на пульте, и экран погас. Пора было собираться.

Откинув пульт на диван, я пошёл в прихожую. На сегодня оставалось одно обязательное дело. Смотаться в Москву и забрать свой пятый по счёту диплом, на этот раз по лингвистике. Школьная программа благодаря домашним занятиям с профессорами осталась позади ещё в двенадцать лет, а девять последующих лет превратились в сплошной академический марафон. Я учился очно, сдавал сессии экстерном, закрывал параллельные курсы. К двадцати одному году на полке уже пылились корочки по архитектуре, высшей математике, квантовой физике и информационным технологиям. Звучит внушительно, вот только на практике я просто коллекционировал знания по инерции. Я мог рассчитать нагрузку на фундамент небоскрёба или написать сложный код, но понятия не имел, куда приложить свои знания в реальной жизни.

Чтобы обернуться за день, я взял билет на утренний «Сапсан». Дорога пролетела незаметно под мерный перестук колёс и музыку в наушниках. В столице всё прошло как по конвейеру. Быстрый визит в деканат главного корпуса, дежурное рукопожатие, подпись в ведомости, ещё одна твёрдая папка в рюкзаке. Никакого ощущения триумфа, будто просто сходил в МФЦ за справкой. И вот я снова сижу в кресле поезда, несущегося обратно на север. В Петербург я вернулся ровно к пяти вечера. На Московском вокзале меня встретил всё тот же сыроватый воздух, а дневное тепло уже шло на спад. К тому моменту, как я добрался до своего района, вечерняя прохлада окончательно вступила в свои права, и над пустырём снованачал лениво сгущаться туман.

***

Повернув ключ в замке, я переступил порог. Тишину пустой трёхкомнатной квартиры тут же нарушил тяжёлый глухой стук когтей по паркету. Из глубины коридора вышла Линда, моя огромная чёрная собака, размерами превосходившая самого крупного дога. Несмотря на устрашающие габариты, встретила она меня мирно, лениво и размашисто виляя тяжёлым хвостом. Я потрепал её за ухом, провёл ладонью по жёсткой шерсти, и она, тихо фыркнув, побрела за мной на кухню. Рюкзак с дипломом полетел на стул, я щёлкнул кнопкой чайника. Когда вода закипела, я заварил крепкий чёрный чай, но пить сразу не стал, оставил кружку остывать на столе, а сам вышел на балкон.

Сумерки медленно опускались на город. Солнце садилось за горизонт, подсвечивая майское небо тревожными алыми тонами. Снизу тянуло сладким запахом сирени, но настроение всё равно было паршивым. Мне исполнился двадцать один год, а праздника я совсем не чувствовал. Стоял и думал о том, как быстро пролетела юность, а туман за окном становился всё плотнее.

Я положил ладони на перила. С четвёртого этажа двор выглядел как обычно, газоны с первыми цветами за невысоким кованым забором, серая дорога с машинами, припаркованными в ёлочку. Новая детская площадка внизу жила своей шумной жизнью. Оттуда доносились крики детей, металлический скрип качелей и гулкий стук по деревянным горкам. А сразу за ней тёмным пятном раскинулся огромный молчаливый пустырь.

Почему его не застраивали, в районе толком никто не знал. С трёх сторон территорию зажимали безликие новостройки, а с четвёртой стояли наши немолодые пятиэтажки. Для взрослых это место было бельмом на глазу, зато для нас, местных пацанов, там пряталось всё, что нужно для нормального детства. Заброшенные постройки с битыми окнами, покосившееся кирпичное здание, насквозь пропахшее плесенью и гнилыми досками, глубокая канава в бурьяне и небольшой дикий лесок. И, конечно, наша главная гордость, затопленный котлован, где летом мы устраивали морские сражения бумажных и деревянных кораблей.

Зимой этот котлован превращался в дикий, но любимый всеми каток, где коньки звонко скрежетали о неровный бугристый лёд. Летом же поляна рядом становилась футбольным полем с настоящими железными воротами, которые сварганили и вкопали ещё старшие ребята лет

двадцать назад. На этом куске дикой земли я в детстве мог вообразить себя кем угодно, солдатом в осаждённом форте, лётчиком на грунтовой полосе, космонавтом на чужой планете или магом среди древних руин. Там, посреди строительного мусора и зарослей крапивы, я впервые научился спокойно быть один и не тяготиться собственной компанией.

Из задумчивости меня выдернул тихий вздох Линды. Она улеглась у моих ног прямо на холодный бетон балкона. Я посмотрел вниз, на затягивающийся туманом пустырь, и невольно улыбнулся, вспомнив один день из детства, когда мы с родителями приехали на дачу к их друзьям. Взрослые тогда с головой ушли в свои научные споры, которые казались мне скучным набором громоздких терминов. Я честно пытался вникнуть, но вскоре от их разговоров в гостиной стало так скучно, что я тихо поднялся со своего места и выскользнул за дверь.

Решив осмотреть незнакомый старый дом, я неспешно побрёл по коридору и прошёл мимо столовой. Заглянув по пути на кухню, я увидел бабушку хозяев, которая стояла у плиты и помешивала густое ароматное варенье. В самом конце коридора, прямо за высокой стопкой пожелтевших от времени газет, пряталась ведущая наверх лестница. Она была совсем узкой и тёмной, а её деревянные ступени за долгие годы стёрлись посередине почти до белизны. Когда я поставил ногу на первую ступеньку, старое дерево протяжно скрипнуло. Следом за ней подала голос и вторая, поэтому дальше я поднимался осторожнее, стараясь наступать как можно ближе к самой стене. Наверху меня сразу обдало сухим и плотным жаром, который шёл от раскалённой на солнце крыши. Весь просторный чердак тонул в густом полумраке, и лишь сквозь небольшое, давно не мытое окошко внутрь пробивался тусклый пыльный свет.

Среди старых чемоданов, колченогой мебели и картонных коробок с журналами я откопал толстый потрёпанный том. На обложке полустёртыми золотыми буквами значилось «Первое правило волшебника». Имя Терри Гудкайнда мне тогда ни о чём не говорило, но само слово «волшебник» сработало безотказно. Я уселся прямо на дощатый пол у слухового окна, смахнул пыль с переплёта, открыл первую страницу и выпал из реальности. Опомнился я только в темноте, когда уже не мог разобрать букв. Прошло несколько часов, но казалось, что взрослые даже не заметили моего отсутствия.

С того дня мир Срединных земель прочно засел у меня в голове. Вернувшись в город, на пустыре за пятиэтажками я больше не играл в обычные игры. В своих мыслях я перестал быть просто Сёмкой, а стал Искателем Истины. Мои родители, свято верившие, что ребёнку для развития ума достаточно классики и энциклопедий, развлекательную литературу не признавали. Уступили они только раз и только этому автору. После моего долгого нытья и клятвенных заверений, что у Гудкайнда всё строго про честь, долг и логику, мне всё-таки начали покупать продолжения серии. На том дачном чердаке я нашёл больше, чем просто интересную книжку. У меня появилась своя территория свободы, куда не было хода взрослым с их правилами.

Лёгкий ветерок качнул занавеску открытой балконной двери, принося с улицы запах сирени и далёкий шум проспекта. Внизу на площадке всё так же было слышно детский смех.

В последние годы я объездил полмира. Самолёты уносили меня всё дальше от родного дома, а интернет не давал прервать дистанционную учёбу. В каждом новом городе я искал что-то особенное. Бродил по узким залитым солнцем улочкам Барселоны, толкался на шумных душных рынках Бангкока, терялся среди небоскрёбов Нью-Йорка. Но особенно тянуло меня в Северную Америку. Я летел туда не ради достопримечательностей. Я искал могилу Терри Гудкайнда. Его книги когда-то открыли для меня другой мир и заставили поверить в силу слова, и мне казалось важным поклониться его памяти. Но судьба распорядилась иначе. Родственники автора хранили место захоронения в тайне. И всё же я знал, что, где бы он ни лежал, его книги живут в сердцах миллионов читателей. Созданная им история когда-то увлекла мальчика на пыльном чердаке, пустила корни и стала моим внутренним стержнем. Путь Искателя Истины прошёл сквозь мою жизнь и остался со мной.

Я глубоко вдохнул вечерний воздух, и вдруг до рези в груди захотелось всё бросить и уехать к морю. Просто валяться на горячем песке, слушать прибой и ни о чём не думать. Дело было даже не в усталости от дипломов. Просто Питер, при всей моей любви к нему, иногда начинал душить. Вечная спешка, хмурые лица в метро, бесконечный поток машин на набережных. Зимой тут месишь серую солёную кашу под ногами, летом дышишь нагретой каменной пылью, а весной гадаешь, что надеть, пуховик или футболку.

Весна перевалила за середину, а впереди стояла сплошная неопределённость. Марафон с институтами закончился, но будущее терялось в таком же тумане, какой сейчас висел над пустырём. Поступать куда-то в шестой раз ради галочки было неинтересно. Прежняя понятная жизнь по расписанию закончилась, а новая не спешила начинаться. Моё одиночество на балконе сегодня ощущалось острее обычного, хотя вообще-то я жил так уже много лет. Десять лет назад родителей, крупных специалистов по физике элементарных частиц, позвали в проект ЦЕРНа, и они перебрались в Швейцарию.

А ещё через три года дед, академик, получил лабораторию в подмосковном наукограде, и бабушка, разумеется, уехала за ним. Мне тогда едва стукнуло четырнадцать. Так я и остался один в трёшке на четвёртом этаже, самостоятельный, при деньгах, но по сути предоставленный сам себе.

Правда, дед почти сразу приставил ко мне тётю Свету. Приходила она через день, ближе к полудню, со своей неизменной тяжёлой сумкой на колёсиках, и начинала ворчать ещё с порога: «Опять кроссовки посреди коридора брошены… И в кого ты такой тощий?» Ворчала она без капли злобы, исключительно для порядка, как старое радио на кухне, к которому через месяц привыкаешь, а если выключить, становится пусто и неуютно. Готовила она просто божественно. Густой борщ, который должен был настояться до вечера, домашние котлеты с хрустящей корочкой, противень пирогов с яблоками, после которых вся квартира ещё сутки пахла тёплой сдобой и корицей. Доставалось от неё и моему белому роялю: «Оглохнуть же тут с тобой можно, Сёма!» Но стоило мне закрыть крышку, как она сама же просила сыграть что-нибудь «повеселее и попроще» и стояла в дверях гостиной, вытирая руки о фартук и подпирая щёку кулаком. Мои пять дипломов, квантовая физика и феноменальная память не значили для неё ровным счётом ничего. В её глазах я оставался непутёвым пацаном, который сутулится за компьютером, мало ест и поздно ложится. С этим мировым злом тётя Света боролась как умела. Оставляла на кухонном столе глубокую тарелку, укутанную махровым полотенцем, и записку крупными печатными буквами: «Сынок, поешь, пока горячее».

Родители, конечно, тоже держали руку на пульсе, созванивались со мной по видеосвязи, сверялись с отчётами репетиторов, звали на каникулы к себе в Женеву. Поездки в Швейцарию всегда врезались в память резким контрастом. После слякотного, серого Петербурга вылизанные альпийские деревушки и чистый горный воздух казались декорациями к рекламе шоколада. Но своим местом я всё равно считал не швейцарские шале, а этот старый питерский балкон с видом на заброшку.

***

Меня зовут Семён Родионов, и в нашей семье не заниматься наукой было просто неприлично. Родители сошлись ещё на физфаке, бабушка всю жизнь просидела над микроскопами на кафедре биологии, а дед отдал полжизни Академии наук. В молодости он даже успел поработать в лаборатории у самого Петра Капицы, откуда вынес железную дисциплину и привычку всё ставить под сомнение. В общем, шансов вырасти гуманитарием-разгильдяем у меня не было. Впрочем, родители на меня никогда не давили. Отец любил повторять: «Вырастешь — хоть в дворники иди. Но сначала базу получи». В эту «базу» они вкладывали всё свободное время. Мама могла часами сидеть рядом над задачником, молча дожидаясь, пока я сам не найду ошибку в решении, а отец между делом, за чаем, на пальцах объяснял устройство атомного реактора.

К пяти годам я уже знал таблицу умножения, бегло читал взрослые книжки и щёлкал логические задачки. Школу удалось проскочить экстерном не потому, что я был каким-то невероятным гением мысли. Просто мне досталась феноменальная память. Я запоминал вообще всё, за что цеплялся взгляд или слух. Страницы текста, колонки цифр, случайные мелодии, запахи и лица людей в метро. Звучит как суперспособность, но на деле у этой штуки полно побочек. Забыть то, что хочется вычеркнуть, тоже не получается. В голове с кристальной чёткостью до сих пор крутились все мои детские косяки, обидные фразы и первые идиотские провалы с девчонками.

Позже я понял, что память работает не просто как жёсткий диск. Когда в голове одновременно лежит столько разрозненных фактов, мозг сам начинает протягивать между ними ниточки. Мне не нужно было зубрить билеты перед экзаменом. Достаточно было раз прочитать учебник или послушать лекцию, чтобы в голове сложилась схема. Я просто видел, как одно цепляется за другое, и находил короткий путь там, где остальные часами ломились через бурелом формул.

Отдельным пунктом в моей жизни шла музыка. В музыкалку по классу фортепиано меня затащила мама. Первые полгода я отчаянно саботировал сольфеджио, а потом вдруг втянулся. С моей памятью я мог до последней ноты прокрутить в голове любой услышанный трек, от Рахманинова до жёсткого электронного транса. Иногда это даже мешало. Мозг работал как невыключаемый плеер и сам подсовывал саундтреки под настроение. Выйдешь утром из палатки у озера, в ушах звенит что-то лёгкое, стоишь вечером на балконе, и фоном начинают ворочаться тяжёлые минорные аккорды.

На десять лет дед сделал мне по-настоящему царский подарок. Привёз в квартиру белый кабинетный рояль Steinway &Sons. Грузчики корячились с ним на лестнице часа три. Вручая мне маленький ключ от крышки, дед коротко бросил: «Учись, пригодится». С тех пор я освоил ещё гитару и немного помучил скрипку, хотя в последние месяцы из-за беготни с дипломами крышку рояля открывал всё реже.

За моё физическое состояние в семье отвечал отец. Он считал, что даже если ты сидишь за роялем и решаешь интегралы, дать сдачи на улице ты обязан уметь. Так меня последовательно прогнали через гимнастику, бассейн, а потом и академическую греблю. Гребля выжала из меня весь детский жирок и намертво приучила к питерской непогоде. После утренних тренировок на холодной воде с ветром я настолько перестал замечать мороз, что зимой мог спокойно выйти за хлебом в шортах и футболке. Правда, пугать старушек у подъезда не хотелось, поэтому пальто я всё-таки накидывал, скорее из вежливости, чем для тепла.

Но настоящей отдушиной стал обычный волейбол. Только там, на площадке, у меня наконец-то полностью отключалась голова. Никаких формул, нот и мёртвых языков. Только разбег, прыжок и хлёсткий удар по мячу на противоходе. На песчаном корте мир сужался до сетки, линий разметки и неба над головой.

Спал я мало, часов по пять, и просыпался всегда без будильника. Чтобы не сойти с ума от количества информации, день приходилось кроить по минутам. С утра репетиторы и лекции, днём инструмент и тренировка, вечером книги. В студенчестве я умудрялся влезать вообще во всё подряд, от каких-то дурацких капустников и драмкружка до секции бальных танцев. Мозг постоянно требовал новой жвачки, и я скармливал ему всё без разбора.

В деньгах я не нуждался, родители и дед переводили достаточно. Но клянчить у семьи на карманные расходы в восемнадцать лет было стыдно, поэтому я быстро нашёл подработку. Писал на заказ сложные курсовые и дипломы. Поначалу это даже забавляло. Пока какой-нибудь мажор с экономического полгода мучил введение, я за полторы недели с нуля разбирался в теме, собирал расчёты и выдавал кирпич на твёрдую пятёрку. Иногда, правда, хотелось выть от тупых правок научных руководителей, которые требовали переписать рабочую фор-

мулу просто потому, что она не совпадала с их методичкой восьмидесятого года, но платили за это хорошо.

Я честно пытался не превратиться в кабинетного сыча. Читал по часу в день художественную литературу, ходил на громкие кинопремьеры, заглядывал на выставки и даже рубился по сети в сложные стратегии.

С девушками проблем тоже не возникало. Высокий, не дурак, со спортом дружит, с отдельной квартирой, понятно, что внимание обращали. Вот только сценарий почти всегда выходил как под копирку. Сначала просьба помочь с чертежом, кодом или курсовой, потом совместный кофе, пара недель ни к чему не обязывающих встреч, и всё. Для них я был кем-то вроде удобного репетитора с приятным бонусом. Как только сессия закрывалась, тем для разговоров не оставалось, и очередная знакомая плавно уходила из моей жизни.

Да и с обычными приятелями выходило не лучше. При знакомстве люди сначала смотрели на меня как на фокусника в цирке. Ого, ты помнишь страницу наизусть? Ого, можешь перемножать в уме четырёхзначные числа? Они подавались вперёд, засыпали вопросами, и мне каждый раз казалось, ну вот, наконец-то нашли общий язык. А через месяц этот восторг сменялся неловкостью. Людям быстро надоедает чувствовать себя глупее собеседника, даже если ты изо всех сил стараешься не умничать. Они начинали звонить реже, а потом и вовсе пропадали.

Раньше меня спасал азарт. Стоило взяться за новую сложную тему, и всё остальное отходило на второй план. Но в последний год этот запал иссяк. Он не погас резко, просто остыл, как тот забытый чай на моём кухонном столе. Чем больше книг и курсов я в себя запихивал, тем более плоским и предсказуемым становился мир. Я начал видеть шаблоны. На третьей минуте фильма понимал, кто убийца, в начале спора знал, какими аргументами он закончится, а любая новая наука оказывалась просто комбинацией старых правил. Я упёрся в потолок. И стоя сегодня на балконе в свой двадцать первый день рождения, я крутил в голове одну и ту же невесёлую мысль. На кой чёрт я вообще нужен этому миру со всей своей памятью, если применить её некуда?

***

Чтобы хоть как-то отвлечься от тяжёлых мыслей, я переключился на прошлое и вспомнил Мишку. Мы с ним сошлись ещё пацанами, едва наша семья переехала в этот дом. В отличие от остальных дворовых ребят, в нём напрочь отсутствовала зависть. Мишке было глубоко плевать, что я не хожу в обычную школу и днями пропадаю за учебниками с университетскими преподавателями. Он не видел во мне заносчивого вундеркинда, просто соседа и друга. Бывало, я часами грузил его последовательностями или теоремами. Мишка честно таращил глаза, уважительно качал головой и выдавал своё любимое: «Вот это ничего себе!» А через секунду без всякого перехода предлагал: «Слушай, погнали лучше на новых „Трансформеров“ в кино?» Понятно, что из моих лекций он не усваивал и десятой доли, но его это совершенно не напрягало.

Именно за эту простоту я за него и держался. Моя наука была ему до лампочки, зато он отлично умел выдернуть меня из формул обратно в нормальное детство.

Особенно врезался в память день, когда мне стукнуло двенадцать. С утра стояла редкая для мая теплынь, ветер пах цветущими яблонями и гнал по небу жидкие облака. Родители с каким-то заговорщицким видом вынесли в гостиную огромную коробку в блестящей обёртке. Я содрал бумагу, откинул картонную крышку и буквально онемел. В пенопластовых пазах лежал матово-чёрный квадрокоптер с четырьмя мощными винтами. Настоящий космолёт.

— Офигеть! — выдохнул Мишка у меня над ухом. — Мы ж с ним сейчас такое устроим!

Усидеть в четырёх стенах было нереально. Схватив пульт и прицепив к нему смартфон, мы в две секунды слетели по лестнице и рванули на пустырь. Выбрали площадку ровнее

посреди битого кирпича, поставили дрон на землю и запустили движки. Лопасти взвыли с низким, плотным гулом. Аппарат качнулся, оторвался от пыли и свечой ушёл в небо. На дисплее телефона тут же развернулась картинка, от которой перехватило дух. Наш собственный двор, только с птичьей высоты.

— Глянь, Сёма, это ж крыша твоей пятиэтажки! — тыкал грязным пальцем в стекло Мишка. — А вон бабки у подъезда на лавке, мелкие, чисто муравьи!

Следующий час мы носились по бурьяну как ненормальные. По очереди перехватывали пульт, закладывали виражи вокруг гнилых кирпичных стен, орали и визжали на весь пустырь. Казалось, этот день вообще никогда не кончится. Но техника решила иначе. Батарея сдохла в самый разгар веселья. На корпусе тревожно замигали красные диоды, винты сбавили обороты, и дрон клюнул вниз. Мы с воплями ломанулись наперерез, но аппарат по пологой дуге обогнул кусты и, будто издеваясь, со свистом влетел ровно в узкое подвальное окно старой заброшки.

— Ну вот, — глухо протянул Мишка, притормаживая у чёрного проёма. — Это ж надо так вляпаться! Мало ему места вокруг было? Нет, блин, ровно в эту дыру прицелился. Снайпер хренов!

Он сокрушённо поскрёб затылок и покосился на меня. В момент падения рулил именно он, так что и лезть в сырую темень предстояло ему. Мы подошли к проёму вплотную и заглянули внутрь. Снизу тянуло подвальной гнилью и холодом. И вдруг из этой темноты донёсся тонкий, прерывистый писк. Мы переглянулись. Кураж как рукой сняло.

— Эй, кто там?! — крикнул Мишка в гулкую пустоту.

Никто не ответил, только скулёж стал чуть отчётливее. Мишка решительно сплюнул в траву, ухватился за край бетонной рамы и ужом скользнул вниз.

— Держи давай! — раздалось из подвала через минуту.

Из мрака вынырнула ладонь и сунула мне квадрокоптер. Моторы были ещё горячими, глянцевый пластик покрылся серым налётом паутины и пыли, а правый передний винт намертво заклинило. Рука Мишки тут же пропала. Под ногами у него захрустело битое стекло, он двинулся куда-то вглубь, ориентируясь на писк. Я остался торчать снаружи на солнцепёке, напряжённо вслушиваясь в возню внизу.

— Сёма, принимай. Только осторожно! — негромко позвал друг.

Я перегнулся через край и подставил ладони. Мне в руки ткнулось что-то тёплое, пушистое и мелко дрожащее. Совсем крошечный щенок. Чёрный как уголь, с нелепо торчащими ушами и разъезжающимися слабыми лапками. Он поднял морду, уставился на меня мутными блестящими бусинами глаз и так жалобно тявкнул, что я тут же сунул его за пазуху, согревая под ветровкой.

— У меня сегодня день рождения, так что это мой подарок! — с ходу отрезал я, прижимая находку локтем.

— Ни фига подобного! — возмутился Мишка, с кряхтением подтягиваясь на руках и вываливаясь на траву. — Кто его нашёл? И вообще, кто за ним в эту грязищу лазил?!

— Если б не мой дрон, мы бы к этому подвалу и близко не подошли! — отступать я не собирался.

— А если б я так круто не рулил, он бы туда в жизни не залетел!

Мы сцепились не на шутку, перебивая друг друга, но запал быстро сошёл на нет. Чёрный комок у меня под курткой тем временем грелся, мерно сопел мне в грудь и плевать хотел на наши имущественные споры.

— Ладно, — сбавил тон я. — Давай он будет общим. Просто жить пока станет у тебя, мои всё равно не разрешат.

— По рукам! — моментально согласился Мишка, даже не пытаясь скрыть облегчение. — Но гулять помогаешь, железно!

— Базара нет.

Вся злость тут же выветрилась. Тогда нам казалось, что это мы спасли слепого кутёнка из каменного мешка, хотя годы спустя я всё чаще думал, что это она вытащила нас обоих.

Жить найдёныш переехал к Мишке. Его предки от такой инициативы в восторг не пришли, но выкинуть живую душу обратно на холод совесть не позволила. Первые месяцы щенок выглядел уморительно. Грудь колесом, как маленький бочонок, лапы толстые, походка косолапая, а уши стояли строгим локатором. Зато шерсть восхищала всех, густая, смоляная, без единого светлого волоска. На улице прохожие постоянно сворачивали шеи и расплывались в улыбках. Мы с Мишкой всерьёз подозревали, что откопали в заброшке какого-то мистического зверя, но районный ветеринар быстро спустил нас на землю. Бегло ощупал живот, заглянул в пасть и скучным голосом вынес вердикт. Обычная беспородная сука, просто кость широкая. Впрочем, нам на родословную было плевать.

Окрестили её Линдой. Росла она как на дрожжах и уже к году переросла соседского немецкого дога в холке. Заводчики в парке цокали языками, а пара человек при деньгах даже хотели купить будущих щенков, но мы всех заворачивали. Да и не вышло бы ничего из этой затеи. Любые попытки свести Линду с породистыми кобелями заканчивались впустую. На людей она первой никогда не бросалась, вела себя сдержанно, но стоило какому-нибудь любителю животных без спроса потянуть к ней руки, как из мощной груди вырывался такой низкий, вибрирующий рык, что охота гладить «собачку» отпадала мгновенно.

И всё-таки что-то в ней было неправильное с точки зрения биологии. Её шкура вообще не пачкалась. Даже после осенней грязи и питерских ливней шерсть оставалась сухой, чистой и совершенно не воняла псиной. Копаться в причинах этой мутации я не стал, мало ли какие причуды выдаёт генетика. Зато ушлый Мишка быстро смекнул, как монетизировать внешность собаки. К нам на пустырь периодически приезжали какие-то девчонки и фотографы, чтобы посниматься с «гигантской чёрной волчицей», и отстёгивали за это неплохие купюры. Друг деньги брал без зазрения совести, прокормить такую телятину стоило прилично. Я в эту коммерцию не совался, хватало своих задач.

По ветпаспорту хозяйкой числилась Мишкина семья, но по факту собака жила на две квартиры. В последний год друг дома почти не появлялся. То пропадал на сменах, то зависал у очередной девчонки. А две недели назад вообще укатил с новой пассией в Доминикану и оставил ключи, так что Линда окончательно перекочевала в мою пустую трёшку.

И буквально несколько дней назад я заметил неладное. Собака начала стремительно, прямо на глазах расплываться в боках. Вариант с беременностью отпадал сразу. Три разных врача в своё время в один голос заявили, что она бесплодна. Да и любого кобеля во дворе она бы просто перекусила пополам за попытку приблизиться. Надо было не тянуть и везти её в нормальную клинику на УЗИ, чтобы исключить опухоль или асцит, но из-за дурацкой гонки с московским дипломом я всё откладывал визит на потом.

Метрах в пятнадцати над сырым пустырём висело странное полупрозрачное марево. Оно вело себя не как обычный туман, не плыло по ветру, а медленно пульсировало на одном месте. То сжималось в плотный сгусток, то расползалось в стороны, словно чья-то невидимая грудная клетка делала вдох и выдох. Ни под какие законы термодинамики или оптики эта дрянь не подпадала.

В коридоре глухо бухнула лапой в дверь Линда. Просилась на улицу. Я отлип от перил, прошёл в прихожую и выпустил собаку на лестничную площадку, оставив дверь приоткрытой. Во дворе её знала каждая старушка, намордник не требовался, поэтому по вечерам она часто выходила размять лапы сама. «Ещё пару минут посмотрю на эту аномалию и спущусь за ней», — подумал я, возвращаясь на балкон. Списать странное свечение над пустырём на усталость глаз уже не получалось.

Снизу вдруг ударил резкий, требовательный лай. Я перегнулся через бетонный парапет. Линда выскочила из подъезда, подлетела прямо под мой балкон, задрала морду к четвёртому

этажу и снова гавкнула. Потом отпрыгнула в сторону дороги, крутанулась волчком и уставилась на меня.

Звала. Причём так нервно и настойчиво, как не делала вообще никогда.

Я схватил с вешалки ветровку, сунул ноги в кроссовки и через ступеньку слетел по лестнице. Во дворе стояла густая, хоть ложкой ешь, белая муть. Чёрный силуэт собаки маячил на границе асфальта и бурьяна. Убедившись, что я иду следом, Линда развернулась и широкими прыжками понеслась вглубь пустыря, прямиком к остову той самой кирпичной заброшки. Не сбавляя хода, она нырнула в знакомое подвальное окно. Из-под земли тут же раздался глухой собачий лай.

Я подбежал к битой стене, упал на корточки и заглянул в проём. В лицо пахнуло странным, совсем не майским теплом и сырой штукатуркой. Внутри было хоть глаз выколи. Чертыхнувшись вполголоса, я вытащил из кармана телефон, зажёг вспышку-фонарик и, уперевшись руками в крошащийся бетон, спрыгнул вниз. Подошвы громко хрустнули по битому кирпичу.

Вытянув руку со смартфоном вперёд, я сделал пару шагов и замер. С пространством творилась какая-то дичь. Узкий белый луч просто вяз в черноте, не выхватывая ни бетонных столбов, ни низкого потолка, ни ржавых труб. Подвал будто растянули во все стороны до горизонта. Мало того, куда-то напрочь выветрился запах сырости и гнили. Вокруг повисла мёртвая, ватная тишина, сквозь которую лишь где-то впереди пробивалось тихое поскуливание.

Я пошёл на этот звук, аккуратно нащупывая ногами твёрдую опору. Когда свет фонарика наконец упёрся в кусок каменной кладки впереди, у меня внутри всё оборвалось.

Прямо на голом бетоне тяжело дышала, вытянувшись на боку, Линда. А у её набухшего живота, слепо тыкаясь мокрыми носами в чёрную шерсть, копошились три крошечных щенка.

Я моргнул, пытаясь согнать наваждение. Бред какой-то. Какие ещё щенки?! Она же бесплодна с рождения. И даже если все светила ветеринарии разом ошиблись, собака физически не способна ощениться троими за те две минуты, что я бежал с четвёртого этажа!

Сделав неверный шаг вперёд, я невольно прикрыл глаза рукой. В паре метров надо мной с сухим треском полыхнуло. Прямо в пустоте зажглись два багровых огненных сгустка, похожих на факелы без древка. Остатки кирпичных стен вокруг дрогнули и поползли в стороны, растворяясь, как серый дым. Вестибулярный аппарат взбунтовался, к горлу подкатила дурнота, а пол под кроссовками качнулся.

— Прощайся со своей собакой и устраивайся поудобнее. Твоё пребывание здесь будет очень долгим, — громыхнуло прямо в голове. Голос был низким, чужим и шёл отовсюду сразу, отзываясь мелкой дрожью в зубах.

Линда грузно поднялась на лапы и подошла ко мне вплотную, ткнувшись холодным носом в мою ладонь. В её тёмных глазах, ловивших отсветы багрового огня, плескалась такая несобачья, осмысленная тоска, что по спине пробежал мороз. Она коротко скосила взгляд на пищащий внизу выводок, мол, теперь твоя очередь, затем присела на задние лапы, мощно рванула вверх, в сторону исчезнувшего подвального окна, и просто истаяла в воздухе.

Я машинально шагнул за ней в пустоту и едва не наступил на живой шевелящийся комок. Слепые кутята расползались по ледяному камню и надрывно пищали. Отключив фонарик и сунув телефон в карман, я опустился на колени, осторожно сгрёб всех троих в охапку и сунул за пазуху, под ветровку.

В ту же секунду декорации вокруг окончательно сменились. На том месте, где секунду назад зиял проём на улицу, вырос грубый каменный камин. Дрова в нём жарко гудели, бросая рыжие блики на стены из тёсаного бревна. Помещение буквально материализовалось из черноты, обретая углы, потолок и плотность. Колени предательски дрогнули, и я не глядя рухнул задом на подвернувшийся деревянный стул. Пульс колотился где-то в висках, но я заставил себя сделать длинный выдох через рот. Только истерики сейчас не хватало.

С днём рождения, Семён. Отличный сюрприз.

На массивном столе посередине комнаты тем временем прямо из воздуха соткался тяжёлый металлический поднос. Потянуло горячим печёным мясом и какими-то травами. Желудок рефлекторно сжался, но о еде не могло быть и речи. Внутри всё натянулось, как струна перед обрывом. Придерживая притихших у груди щенков левой рукой, я поднялся со стула и медленно прошёл вдоль стен, ощупывая тёплое дерево ладонью. Ни единой двери. Ни одного окна. Глухая коробка, в дальнем углу которой обнаружилась только широкая деревянная кровать под грубым покрывалом.

И вот тут меня накрыло по-настоящему. На плечи будто уронили бетонную плиту, навалилась такая дикая, противоестественная сонливость, что веки стали свинцовыми. В затылке глухо заломило.

«Ладно, надо лечь, — вязко ворочались мысли в голове, пока я на негнущихся ногах плёлся к углу. — Высплюсь, а утром разберёмся. Мало ли как сходит с ума нервная система после пяти дипломов.»

Я тяжело повалился на кровать, аккуратно выложил тёплых сопящих щенков рядом с собой на край подушки, чтобы случайно не придавить во сне, и прикрыл глаза. Сознание стремительно проваливалось в чернильную яму, хотя где-то на самом краю памяти уже отчётливо пульсировало понимание, что никакая это не галлюцинация. И в свой дождливый Питер я больше не вернусь.

Глава 2

Проснулся я не сразу, долго не решаясь открыть глаза. Тело казалось чужим и непривычно лёгким. В комнате стояла всё та же глухая тишина, в воздухе не было ни пылинки, ни малейшего сквозняка. Ровный мягкий свет шёл отовсюду сразу, без всяких ламп или окон, а на столе стояли кружка молока и тарелка с пирожками.

Я сел на кровати и поднялся. Двигаться было легко, как после недели крепкого сна, а всё вокруг выглядело до странности чистым и новым.

Щенки спали там же, где устроились с вечера. Один свернулся у меня под боком, второй занял подушку, третий растянулся поперёк одеяла. Стоило мне пошевелиться, как они начали просыпаться. Потягивались, зевали, тыкались тёплыми носами друг в друга и возились в складках простыни. За ночь они заметно вытянулись. Ещё вчера это были слепые беспомощные комочки, а сегодня они смотрели на меня совершенно осмысленно. Мутная поволока новорождённых из глаз исчезла.

Завтрак оказался вкусным, но каким-то обманчивым. Жуёшь, сдоба как сдоба, а проглотил, и во рту пусто, только слабое послевкусие на языке. Я доел, стряхнул с ладоней крошки, отставил пустую кружку и остался сидеть за столом, сам не зная, чего жду.

— Проснулся? — голос прозвучал прямо в голове, минуя уши.

Я вздрогнул от неожиданности и несколько секунд просто крутил головой, пытаясь понять, откуда идёт звук. Но направления не было. Он не шёл ни спереди, ни сзади, ни сбоку. Голос просто звучал внутри сознания, точно находился там всегда.

— Кто ты? Где я? Почему я здесь? Когда вернусь домой? — вопросы посыпались один за другим.

— Не торопись, — спокойно отозвался голос.

В ту же секунду смятая постель за моей спиной сама собой расправилась, будто невидимая горничная решила мимоходом навести порядок.

— Я Самуэль, последний Верховный маг твоего нового мира, — продолжил невидимый собеседник. — Ты мой преемник, и я буду твоим наставником.

— А моё мнение никого не интересует? — я постарался изобразить должное возмущение, хотя внутри всё ликовало. «Вот оно, то новое, о чём я мечтал!» Вслух фраза прозвучала ровно, но где-то в груди сладко ёкнуло, как на самом краю высоты перед прыжком.

— Всему своё время. Ты останешься здесь, пока я не сочту тебя готовым. Другого выхода не было.

— Пока?

— Да. Со временем ты всё поймёшь.

— А, ну конечно… — протянул я скорее по привычке во всём сомневаться, чем из желания поспорить.

— Что это за место? — спросил я прямо, без лишних предисловий.

— У него нет названия. Но если тебе станет легче, можешь придумать своё.

— Давай назовём его Чертогами, — предложил я. Слово неожиданно хорошо легло в окружающую тишину. — Чертоги Самуэля.

— Почему моё?

— Чтобы не забывать, кому они пока принадлежат, — ответил я. — Пока.

— Пусть будет так, — согласился он. — Названия держатся дольше, чем стены.

В тот же миг передо мной возникло кресло, тяжёлое, тёмного дерева, с высокой резной спинкой. Подлокотники венчали львиные головы, а ножки в точности повторяли звериные лапы с когтями. Оно не выросло из пола и не материализовалось со спецэффектами, а просто

оказалось напротив, будто стояло там с самого начала. И странное дело, меня не покидало чувство, что рука этого резчика мне знакома, хотя саму вещь я видел впервые в жизни.

В кресле уже сидел человек. Длинная седая борода спускалась на грудь, поля широкой шляпы отбрасывали густую тень на лицо. Выглядел он откровенно сказочно, почти театрально, а по комнате сразу потянуло тяжёлым запахом старых благовоний.

«Ну да, классика, — пронеслось в голове. — Если маг, то непременно в балахоне и с бородой. Дальше по законам жанра должен появиться котёл с булькающим зельем.» Я едва сдержал усмешку, разглядывая эту картину и гадая, куда же меня всё-таки занесло.

— Можешь выбрать любой антураж, — произнёс старик, даже не взглянув в мою сторону. — Хочешь офис с панорамными окнами. Хочешь свою комнату. Но возвращения туда не будет. И я бы не советовал тянуть за собой то, что давно отпущено.

Я промолчал. Просто смотрел на его седую бороду, на тень от шляпы и сухие ладони, спокойно лежащие на резных подлокотниках.

Голос у него оказался низким, чуть хрипловатым, как у человека, который давно ни с кем подолгу не разговаривал, но без всякой рисовки и желания произвести впечатление.

— Разберёшься со всем по ходу дела. Времени у нас много, но тянуть не стоит. Начинать пора.

Слушать живого собеседника, пусть и условного, было куда проще, чем переговариваться с голосом в собственной черепной коробке. Я ловил себя на том, что слежу за его мимикой и движением губ под тенью шляпы. Это возвращало происходящему хоть какую-то твёрдую почву под ногами.

— Верховные маги всегда были выходцами из моего мира, — размеренно продолжил он. — Выбор делал предыдущий. Но твой предшественник, то есть я, настоял на переменах. Именно поэтому ты здесь. Моя феноменальная память перешла к тебе, поэтому ты так выделяешься. Но дар Верховного мага не только в памяти. Главное отличие от прочих магов состоит в возможности приходить сюда и учиться. Тебе не придётся тратить время на обучение в реальной жизни. И, конечно же, владение всеми видами магии, включая Магию Жизни, способную создавать и разрушать, исцелять и порабощать.

Я слушал, а в голове со скрипом перестраивалась привычная картина мира. Старые представления о том, что возможно, а что нет, приходилось задвигать куда подальше.

«Так вот оно что», — только и мелькнуло в мыслях, пока я пытался уложить услышанное по полочкам.

— Сейчас дар у тебя, — голос старика звучал всё твёрже. — Придёт время, передашь его дальше. Но сами знания нельзя вложить в голову напрямую. Придётся проходить путь самому, шаг за шагом, через практику и испытания. В мире всегда должен быть Верховный маг. Это необходимость. Он направляет развитие мира, сглаживает конфликты, а иногда их предотвращает.

Самуэль говорил неторопливо, будто зачитывал старую книгу, которую я когда-то любил в детстве, и я поймал себя на том, что просто слушаю, не пытаясь спорить с каждым словом.

— Жизнь у нас хоть и примерно вдвое дольше обычной, но всё равно конечна. Поэтому один всегда должен подготовить другого. Обычно выбор делается при жизни, а ученик попадает сюда в момент смерти учителя, когда переходит сила.

Я опёрся локтем о подлокотник, подпёр ладонью щёку и усмехнулся.

— Потрясающе… — протянул я с отчётливым сарказмом.

Со стороны вся эта сцена напоминала дешёвую мистическую передачу с канала ТВ3, где ряженые старцы в балахонах с серьёзным видом вещают о «высших силах». Вот только чутьё безошибочно подсказывало, что декорации настоящие, и дела здесь творятся куда серьёзнее. И от этого становилось не по себе, прежде всего потому, что я уже начинал верить.

— Слышь ты, — неожиданно хмыкнул старик, и в его глазах под полями шляпы мелькнула живая, насмешливая искра. — Хватит перебивать. Посмеёмся позже, когда увидишь истинную мощь того, что тебе предстоит.

Я невольно улыбнулся. От этой простой одёргивающей фразы весь лишний пафос как ветром сдуло, и на душе сразу стало спокойнее.

— Своему миру ты помочь не сможешь, — уже жёстко произнёс он. — Ни при каких обстоятельствах. Бюрократия, политика, круговая порука, страх. Они не позволят тебе развернуться. Тебя просто сожрут, каким бы умным ты ни был. Там нужен другой подход…

Я хотел было возразить и сказать, что всегда можно найти подход и попробовать расшатать систему, но промолчал. Слишком хорошо понимал, что он прав. И вместе с этим пониманием внутри начал медленно просыпаться настоящий, трезвый интерес.

— Продолжим, как я уже сказал, вернуться в прежнюю жизнь ты уже не сможешь, — ровно продолжал наставник. — И, честно говоря, смысла в этом нет. Ты взял от своего мира всё, что мог. Пора идти дальше. Я редко вмешиваюсь напрямую… но для тебя я сделал исключение. Я немного помог. Ты ведь давно не видел родителей и сейчас не испытываешь из-за этого особого сожаления. Это не случайно. Я вложил в твою память немного магии, ровно столько, чтобы тебе было легче отпустить. Потому что всё, что может держать тебя в том мире, нужно оставить.

Внутри неприятно кольнуло. Я и сам не понял, чего сейчас больше, злости за то, что без спроса залезли в голову, странной благодарности или просто глухой пустоты.

— Ни родителей ты не увидишь. Ни друга. Их нельзя взять с собой. Посещать тоже не получится. Так устроено. Жестоко? Возможно. Но иначе никак.

— Уровень твоей магии будет расти по мере обучения, — Самуэль перешёл к делу. — Сначала освоишь простые вещи. Зажигать огонь, подогревать пищу, создавать ветер. Потом пойдут боевые и защитные заклинания. Простенькое заклинание ты повторишь сотни раз, и оно почти ничего не изменит. Оно и так помещается в тебе целиком. А сложное не помещается. Втиснешь, и оно раздвинет твой объём изнутри. Вот это и называется потенциал. Чем он шире, тем больше силы ты держишь. Подробнее объясню позже, на практике. Ты справишься. Главное преимущество Верховного мага в том, что здесь можно тренироваться годами, не тратя в реальном мире ни единой секунды.

В углу тем временем поднялась весёлая возня. Щенки устроили настоящие гонки, носились кругами и в шутку прихватывали друг друга за уши и хвосты. Они каким-то образом подросли и теперь отчётливо напоминали остроухих волчат с блестящими живыми глазами. Наблюдая за ними, я в который раз отметил странную деталь. От них совершенно ничем не пахло. Ни шерстью, ни псиной, вообще ничем. Впрочем, удивляться местным порядкам я уже перестал.

— Одно из главных отличий Верховного мага, — Самуэль поднялся с кресла и принялся неспешно прохаживаться по комнате, — это способность останавливать время. В реальном мире такой силы нет больше ни у кого. Всё довольно просто. Достаточно подумать, и заклинание сработает. Но до этого нужно пройти долгий путь. Сначала будешь заучивать заклинания, складывать пальцы в особые жесты. Потом хватит одного щелчка. И лишь со временем перейдёшь на чистое мысленное управление. Здесь ты пробудешь столько, сколько потребуется, чтобы довести этот навык до полного автоматизма. Но никогда, повторяю, никогда не забывай о театральности. Магия для окружающих должна выглядеть как высокое искусство и зрелище. Води руками по воздуху, щёлкай пальцами, даже если в этом нет ни малейшей необходимости. Пусть видят твоё величие.

Я втянул носом воздух и только сейчас заметил, что в комнате появились запахи. Повеяло старыми книжными переплётами, воском и сухим печным теплом. Странно, ещё минуту назад здесь не пахло ничем. Или я просто не обращал внимания?

— Без учителей ты не продвинешься, — продолжал наставник, меряя шагами комнату. — В реальном мире я бессилен, там моя магия запечатана, а здесь ты свободен полностью. Твой потенциал тут не ограничен, как и связь с Источником, но мастерство требует практики. Тысячи повторений. А снаружи тебя ждёт Академия магии. Место непростое. Тамошние маги коварны, ленивы и крайне амбициозны. Не спеши открывать себя. Пока не наберёшь истинную силу, держись в тени. Многие испугаются, ещё больше позавидуют, а сильнейшие попробуют устранить. После смерти Верховного мага его сознание переносится сюда, а накопленные знания уходят в библиотеку. Но в сам миг перехода другой могущественный маг способен перехватить сознание преемника. И тогда всё пойдёт по совершенно иному пути.

Самуэль остановился и посмотрел на меня:

— Именно поэтому я настоятельно советую не раскрывать себя раньше времени.

Я поднял руку, прося слова; пальцы слегка подрагивали от внутреннего напряжения.

— Как ты ушёл из жизни? — вопрос вырвался прежде, чем я успел его обдумать.

Его глаза сузились, в них мелькнуло откровенное раздражение.

— Не торопись.

— Что значит «не торопись»? — я не сдержал резкости в голосе. — Ты был Верховным магом, сильнейшим из всех, повелителем стихий. И, как я понимаю, умер ты вовсе не от старости в своей постели. Ты пал в бою или тебя предали? Я имею полное право знать, во что ввязываюсь и какую судьбу на себя принимаю!

В комнате стало совсем тихо; только щенки в углу продолжали беззаботно возиться, не замечая накалившейся обстановки.

Самуэль молчал. Медленно развернулся и отошёл к дальней стене, качнув полами тёмной мантии. Свет в помещении заметно потускнел, углы налились тенями, и я только теперь обнаружил вокруг массивные напольные подсвечники с высокими горящими свечами. Когда они появились, сказать было невозможно. То ли стояли здесь с самого начала, то ли зажглись только что по желанию старика.

— Ты слишком торопишься, — негромко произнёс он, глядя в пустоту перед собой.

Я сжал кулаки. Даже щенки в углу наконец притихли и настороженно уставились в нашу сторону.

— Но я должен знать! — голос прозвучал громче, чем я планировал. — Как я могу идти по твоему пути, не зная, что случилось с тобой?

Он повернулся ко мне.

— Ты думаешь, знание прошлого даст тебе ответы? — голос звучал мягко, но за этой мягкостью отчётливо чувствовалась сталь.

В комнате ощутимо похолодало. Пламя свечей качнулось, а где-то далеко за пределами стен глухо прокатился гром.

— Но я не могу принять это вслепую! — я поднялся с места, чувствуя, как колотится сердце. — Ты сам говоришь о заговорах и охоте за даром… Как мне подготовиться к удару, если я не знаю, с чем столкнулся ты?

— Ты узнаешь всё в своё время, — отрезал он. — А пока придётся научиться терпению. Для настоящего мага это одно из важнейших качеств. И вообще, не перебивай. Лучше объясню, где ты сейчас находишься.

Как ни в чём не бывало, Самуэль шагнул к столу и неторопливо наполнил резной кубок густым тёмно-красным вином. По комнате сразу потянуло пряным винным духом.

— Может, вина? — предложил он, глядя на игру света в чаше.

— Нет, спасибо, я воздержусь, — сухо ответил я.

— Как знаешь, твоё право, — старик спокойно сделал глоток. — Хотя иногда отказ могут воспринять как неуважение. Но со временем сам разберёшься.

Он на секунду прикрыл глаза и снова вопросительно качнул кубком в мою сторону. Я отрицательно покачал головой.

Тогда маг просто разжал пальцы, и тяжёлая чаша осталась висеть в воздухе без всякой опоры. Лёгким движением кисти Самуэль заставил её плавно парить между ладонями.

— Точно не желаешь? — уточнил он, возвращаясь к креслу. — Ну как хочешь, дело твоё.

Кубок послушно поплыл по воздуху следом за хозяином.

— В этом месте времени не существует, — заговорил Самуэль, устраиваясь поудобнее и сцепляя пальцы на груди. — Оно здесь стоит на месте. При желании я могу создать для тебя любую иллюзию движения, день, ночь, времена года, даже старение, но это будет лишь декорацией. Здесь ты можешь провести целую вечность, а в реальном мире пройдёт один миг. Старение тебе не грозит, и есть ты можешь просто по желанию. Но чувство голода я оставил намеренно, чтобы ты не забывал вкус простой пищи и её цену. Да и я сам при жизни любил хорошую кухню.

Маг перехватил парящую чашу, отпил ещё глоток и с лёгкой улыбкой откинулся на резную спинку, тихо прошуршав мантией.

— Твоя библиотека будет открываться постепенно, — продолжил он уверенным тоном. — Не спеши только, всё придёт в своё время. Ты освоишь полёт, пространственные переходы, исцеление, управление материей и изменение свойств предметов. Овладеешь стихиями, огнём, водой, воздухом, молниями. Всё это останется с тобой в реальном мире. Но главное, твоя связь с Источником. Чем шире разработаешь канал, тем больше силы сможешь черпать.

— Проще некуда, — пробормотал я с откровенной иронией.

— Не иронизируй, — беззлобно отмахнулся Самуэль. — Я наблюдал за тобой годами. Ты именно тот, кто нужен, тот, кто точно справится.

Допытываться, почему выбор пал именно на меня, я не стал. Отлично понимал, что в ответ получу очередную порцию туманных фраз. Вместо этого я перевёл взгляд на ковёр, где после недавней беготни вповалку спали щенки. Округлившиеся от сытной еды бока мерно поднимались и опускались, глаза были плотно зажмурены, а по комнате разносилось умиротворённое посапывание и тихое повизгивание сквозь сон.

— А эти малыши здесь зачем? — поинтересовался я, кивнув в сторону пушистой троицы.

— Отличный вопрос, хотя и преждевременный… — негромко ответил он. — Но раз уж ты спросил, считай их своей семьёй. Жизнь Верховного мага проходит в бесконечном одиночестве. Редко кто из нас находит время на семью и детей. Наша работа выжимает человека без остатка, не оставляя ни сил, ни желания. Придумал им имена?

— Ещё нет, даже не думал об этом.

— Самое время начать. А пока размышляешь, расскажу тебе кое-что. — Голос старика стал заметно мягче. — Я ведь видел, как ты относился к Линде. Как уступил её другу, не из слабости характера, а из простой человечности. Тот парень ведь много значил для тебя. Если бы он потерял в один момент и близкого друга, и привязавшуюся собаку, это было бы слишком тяжёлым ударом. Он хороший человек, пусть и ветреный. Поэтому собаку я оставил ему. А тебе взамен достались эти трое. Не жалуйся, они ведь очаровательны, правда?

Словно услышав его интонацию, щенки на ковре синхронно потянулись, зевнули во всю пасть, высунув розовые язычки, и коротко стукнули хвостами по полу.

— Но не обманывай себя, — тон Самуэля сразу стал серьёзным. — Это не обычные щенки. И вообще это не собаки, а волки. Пройдёт немного времени, они вырастут и станут настоящими хищниками, большими, умными и очень опасными. Когда они повзрослеют, ты сам увидишь, на что они способны.

В комнате вдруг отчётливо запахло тёплой шерстью и лесом. Волчата перестали зевать и настороженно уставились на нас своими умными, совсем не щенячьими глазами. Самуэль

чуть наклонился из кресла, протянув ладонь, и все трое тут же доверчиво ткнулись влажными носами в его руку.

— Эти волки теперь часть твоей жизни, — произнёс маг, выпрямляясь. — Они помогут тебе не чувствовать то одиночество, о котором я говорил. Но будь готов к тому, что обычными домашними питомцами они не станут. Для них ты часть стаи, старший в семье. Даже не пытайся их дрессировать.

Щенки снова зевнули и улеглись поудобнее.

— Впрочем, с кличками не торопись, — подытожил Самуэль, возвращая себе прежний деловой тон. — Времени навалом. Всё… Идём дальше.

***

— В стародавние времена жил маг, — начал Самуэль, глядя в свой кубок. — Исключительный человек, мастер-изобретатель с уникальным даром. Он умел то, чего до него не делал никто. Именно он открыл технику остановки времени, а затем, исследуя пределы собственного разума, довёл память до абсолюта. Позже взялся за передачу памяти, мечтал, чтобы к следующему магу переходило всё, что он знал и умел. Методику довёл до рабочего состояния, а вот полного переноса так и не добился. Знания переходили кусками, многое терялось по дороге, и остальное наследнику приходилось добывать самому.

Старик перевёл взгляд на меня:

— Поэтому каждый новоизбранный Верховный маг начинает с начала.

Я слушал молча. Звучало как красивая легенда, но Самуэль говорил о тех событиях так предметно, будто сам сидел с этим изобретателем за одним столом.

— Он был первым в своём роде, хотя само звание Верховного мага появилось позднее, — продолжал наставник. — Со временем передача дара стала традицией. Каждый маг, предчувствуя уход, выбирал наследника и начинал его обучение заранее. Претендент уже имел академическое образование, владел основами, а здесь лишь расширял свои возможности. Все знали, кто станет следующим. Все просто ждали момента передачи силы и появления нового Верховного мага. Существуют и внешние признаки статуса. Верховный маг носит только три цвета. Чёрный, серый и белый. Ты будешь обязан следовать этому канону в одежде. Никаких ярких оттенков, вычурных нарядов, даже в мелочах.

Я не удержался и фыркнул. Терпеть не мог подобные ограничения, особенно в таких вещах.

— Всю жизнь в трёх цветах? — я криво усмехнулся. — Нет уж, спасибо. Гардероб я себе выберу сам и соблюдать этот канон до самой смерти не стану, ни через год, ни через сто лет. Если Верховного мага узнают по оттенкам плаща, значит, узнавать его больше не по чему.

— Я наблюдал за тобой достаточно долго и предвидел такую реакцию, — в голосе старика проскользнула насмешка. — Именно поэтому я подготовил особый сюрприз. Пока ты будешь скрывать свою истинную природу, щенки останутся обычными, с неприметным окрасом. Но в тот момент, когда ты откроешь миру свою сущность, они изменятся. Их шерсть проявит эти три цвета, и всем всё станет ясно. Это своего рода магический индикатор моего авторства. Невозможно предсказать, когда ты обретёшь полную силу. Этот процесс не подчиняется расписанию. Ты уникален в своём роде. Может, всё-таки подкрепимся? Аппетит приходит во время учёбы.

Я отрицательно покачал головой, всё ещё переваривая историю с «индикатором авторства».

Тем временем двое щенков снова с азартом катались по полу, выясняя, кто из них сильнее. Третий же вольготно раскинулся на ковре, вытянув все четыре лапы, и старательно делал вид, что крепко спит. Выдавали его только мелко подрагивающие усы.

Я улыбнулся, подошёл и осторожно подхватил этого притворщика под тёплый живот, после чего вернулся с ним в кресло.

— Кстати, — заметил Самуэль, глядя на мои руки, — важно помнить, что их нельзя разделять. Когда щенки находятся далеко друг от друга, их сила ослабевает.

Оставшаяся на полу парочка тут же прекратила возню, явно обиженная тем, что их обошли вниманием. Оба подбежали к креслу и встали на задние лапы, упираясь передними мне в колени. Мне пришлось поднять и их. На коленях тут же началась упорная толкотня за лучшее место, совершенно не мешавшая первому спящему.

— И что же мне теперь делать? Просто ждать? — спросил я, придерживая волчат, чтобы не свалились на пол.

— Да, — кивнул маг. — Думаю, всё начнётся с мощного всплеска. Какое-то значительное потрясение, что-то действительно важное. Я не могу сказать точнее, это вне моего контроля.

Головой я прекрасно понимал, что передо мной сидит лишь проекция, слепок памяти давно умершего старика. Но то, как точно он подбирал интонации и считывал моё настроение, невольно заставляло относиться к нему как к живому человеку.

— Что-то ты притих, погрустнел, — заметил Самуэль. — Может, сделаем перерыв? Отдохнём немного?

В этот раз отказываться я не стал. Слишком много всего свалилось за одно утро. Голове требовалась хотя бы короткая передышка.

***

Мы пересели на высокие резные стулья за длинный стол. Блюд было столько, что глаза разбегались.

Тонкие, почти прозрачные ломтики вяленого мяса блестели рядом с запечёнными корнеплодами под хрустящей карамельной коркой. Круглые фрукты с переливчатой кожурой внутри оказались сочными и ледяными, будто с мороза. В кубках дымилось густое грибное варево, щедро заправленное чёрным перцем. Дальше тянулись пироги с начинками, которые меняли вкус от куска к куску, то мясо, то рыба, то что-то пряное и незнакомое. Полупрозрачные омары в густом соусе с дымком, десятки видов хлеба с орехами, ягодами и мёдом, целая россыпь мягких и твёрдых сыров. А на краю стола лежали лёгкие сладости, пахнущие шафраном и лавандой.

Есть особо не хотелось, но разобрало чистое любопытство. Я принялся пробовать всё подряд, просто чтобы понять, каково оно на вкус.

А вот вино оказалось с подвохом. Первые глотки пошли мягко и приятно согрели горло, но уже через пару минут в ушах появился тонкий звон. Комната вокруг поплыла. Я откинулся на высокую спинку стула и прикрыл глаза. Голова стала лёгкой, тело налилось ленивым теплом, а все тревоги и острые углы сегодняшнего разговора куда-то отступили. Стало тихо и абсолютно всё равно.

Самуэль между тем продолжал негромко говорить. Он размеренно объяснял, как устроена связь с Источником, что канал расширяется медленно, годами, и что большая сила никогда не даётся сразу. Но его слова начали расплываться. Смысл ускользал. Я слышал ровный голос, но уловить суть уже не мог, будто слушал сквозь вату. То ли вино так развезло, то ли старик что-то подмешал…

— Меня всё устраивает… — пробормотал я непослушным языком.

Маг резко взмахнул рукой, и всё оборвалось.

Меня будто окатили ледяной водой. Хмель не выветрился постепенно, как бывает обычно. Его словно выдернули из крови одним рывком. Сердце глухо бухнуло у самого горла и зачастило, в висках застучало, во рту мгновенно пересохло, а на языке остался противный железный привкус.

Голова стала пугающе ясной. Я разжал пальцы и только тут заметил, что до побелевших костяшек вцепился в резные подлокотники. Заодно моя память тут же выдала мне всё, о чём

говорил Самуэль за столом, каждое слово до последней интонации, включая те куски, которые проплыли мимо моих ушей в пьяной дрёме.

Хорош учитель, ничего не скажешь. Сначала без спроса опоили, чтобы отключить критику и вложить лекцию напрямую в голову, а потом одним щелчком привели в чувство.

Длинный стол со всей едой бесследно исчез. Мы снова сидели друг напротив друга в прежней комнате.

***

Маг откинулся в кресле и сплёл пальцы.

— Я покажу тебе три случая вмешательства в развитие последней цивилизации на вашей планете, — произнёс он так буднично, что у меня неприятно похолодело на затылке.

— А… — начал было я, но старик оборвал меня коротким взмахом ладони.

— Да помолчи ты, Сёма, — раздражённо бросил он. — Сейчас не время для пустых слов.

Я осёкся. Воздух вокруг снова стал вязким и тяжёлым, отбивая всякую охоту спорить. Оставалось только слушать и попутно отмечать про себя, как легко наставник перешёл с высокого слога на простое домашнее «Сёма».

— И чтобы ты понял по-настоящему, я покажу тебе. Ты не просто услышишь, ты увидишь тех, о ком я буду говорить.

Я глубже устроился в кресле. Вряд ли меня собирались развлекать простыми картинками.

— Первый пример. «Гордость всей вашей цивилизации», — негромко произнёс маг.

Комната вокруг дрогнула и поплыла. Свет погас, звуки оборвались, а через секунду меня ослепило яркое южное солнце.

Мы стояли посреди открытого поля. Высокая трава ходила волнами под сухим тёплым ветром, пахло нагретой дорожной пылью, чабрецом и скошенным сеном. В густой зелени без умолку трещали кузнечики и деловито гудели пчёлы.

Впереди расстилались пологие холмы, расчерченные рядами виноградников, а чуть ниже в долине жались друг к другу каменные домики под рыжей черепицей. В нескольких шагах от нас перед походным мольбертом стоял человек в тёмном дорожном плаще. Поля широкой шляпы прятали половину его лица в тени, но этот профиль я узнал мгновенно, хотя раньше видел его только на гравюрах в учебниках.

— Не тревожься, — тихо сказал Самуэль у моего плеча. — Он нас не видит. Если желаешь, подойди ближе.

Я не сдвинулся с места. Спорить о магии в закрытой комнате было куда проще, чем стоять в двух шагах от живого человека из другой эпохи и разглядывать пятна масла на его одежде и въевшуюся в кожу пальцев охру.

— То было время крайностей, — заговорил маг, глядя на художника. — Общество, отравленное религиозным фанатизмом, было измучено страхом и догмой. Да Винчи не мог в одиночку победить сложившийся мир. Это было невозможно. Но он стал тем, кто принёс в него свет. Правда, мир не принял его идеи сразу.

Леонардо между тем не спеша делал быстрые пометки углём, сверяясь с изгибом речной долины внизу. Откуда-то с холмов доносился размеренный перезвон колокола и далёкое блеяние овечьих отар.

— Это Боббио, — пояснил Самуэль. — Небольшой городок на севере Италии. Исследовательница по имени Карла Глори много веков спустя утверждала, что именно этот пейзаж лёг в основу фона «Джоконды». И оказалась права, хотя ей так и не поверили. Забавная штука. Вашему миру вечно требуются железные доказательства в науке, но в других веках люди принимали всё на веру без единого вопроса. Он пришёл из мира, куда более развитого технически и культурно. Там он не был никаким гением, самый обычный человек из среднего класса, крепкий специалист своего дела. К моменту перехода, а умер он от сердечного приступа, ему стукнуло около пятидесяти. Образованный, цепкий, наблюдательный и, главное, внутренне

готовый к такому шагу. Я спросил его тогда, хочет ли он прожить ещё одну жизнь с чистого листа. Он согласился не раздумывая.

— А меня ты не спросил, — не удержался я от шпильки.

Наставник даже ухом не повёл, только лениво махнул рукой и продолжил:

— Память о прошлой жизни я ему стёр намеренно, чтобы ничто не отвлекало от дела. Оставил только навыки, глазомер, инженерную интуицию и понимание механики. Отсюда и взялась та самая гениальность, которую никто не мог объяснить рационально. Для него законы аэродинамики или оптики были базовой очевидностью, с которой он просто заново родился. Он рос в вашем мире, пошёл учиться в художественную мастерскую, заново осваивал черчение, химию, металлургию. Работал с гипсом, кожей, металлом. Руки сами вспоминали ремесло. Он потому и держался всю жизнь особняком, в стороне от чужой возни. Всю жизнь вспоминал себя через кисть, через каждый чертёж и каждую линию.

Пейзаж вокруг снова качнулся и смазался. Южный зной сменился сухой прохладой полутёмного зала, густо пропахшего льняным маслом, скипидаром и старым деревом. Косые лучи предзакатного солнца падали сквозь высокие окна, выхватывая из полумрака рабочий стол, банки с красками и деревянный мольберт посреди комнаты.

На мольберте стояла небольшая тополиная доска с незаконченным портретом.

Лиза дель Джокондо. Мона Лиза.

Я десятки раз видел её на репродукциях, в передачах, на сувенирных кружках и обложках тетрадей. Но здесь, в тишине мастерской, без бронированного стекла Лувра и толпы туристов, она производила совсем другое впечатление. Краска ещё была свежей, не тронутой вековой сеткой трещин и пожелтевшим лаком. Женщина на портрете смотрела спокойно и до странности живо. Казалось, она просто сидит напротив и молча наблюдает за нами.

— Видишь теперь? — негромко спросил Самуэль, подходя ближе к мольберту. — Вглядись внимательнее в эти едва заметные блики на щеках и у уголков губ. Они не случайны. Так пишет человек, который подсознательно помнит оптику и анатомию на три столетия больше, чем знает его век.

Я наклонился ближе к доске. При боковом свете из окна действительно казалось, что выражение её лица неуловимо меняется, стоит чуть сместить взгляд.

— Попытки перенести его технические идеи в реальность в то время почти ни к чему не привели, — ровно проговорил маг за моей спиной. — Ни нужных материалов, ни технологий обработки тогда просто не существовало. Но сам факт их появления… Телескоп. Прототип аэроплана и воздушного винта. Прожектор, велосипед, парашют, водолазный костюм… Он предвосхитил столетия. Он просто не знал местного правила, что так «не положено». В его прежнем мире такие вещи были обыденностью, а здесь казались безумием.

Старик повернулся ко мне:

— Потом эти идеи будут переосмыслены и построены другими руками и на других принципах. Но это уже детали. Главное, он дал толчок, показал самому мышлению человека, в какую сторону можно смотреть. Правда, расплатился за это полным одиночеством. Леонардо пришёл слишком рано. Все его главные прозрения остались чернилами на пожелтевших страницах, опередив своё время на полтысячелетия. Потребовались века, чтобы люди наконец собрали его машины. А в его собственной эпохе осталась лишь живопись. Единственное, что шестнадцатый век смог понять и сохранить.

Я молча смотрел на темнеющий в сумерках портрет. На моих коленях, прямо здесь, посреди мастерской, куда мы переместились вместе с креслами, сонно возились и тихо посапывали трое волчат.

— Водички хоть попей, — усмехнулся вдруг Самуэль, разом сбивая всю торжественность момента, и протянул мне кубок с холодной водой.

Я машинально взял чашу и сделал несколько больших глотков. Вода помогла прийти в себя.

Стены мастерской тем временем размылись, и мы вернулись в полумрак нашей комнаты. Я откинулся на спинку кресла. Голова после такого экскурса была странно пустой, как после сильного потрясения. Узнать, что один из главных гениев человечества на деле оказался засланным специалистом из другого мира со стёртой памятью, в привычную картину реальности с ходу не укладывалось.

— То, что ты увидел, лишь малая часть скрытого от обычных людей, — произнёс Самуэль. — История полна моментов, когда судьбы цивилизаций висели на волоске, а решающую роль играли вот такие точечные вмешательства. Готов услышать следующую историю? Она ничуть не проще первой.

***

Готов ли я? Да мне сейчас было глубоко наплевать даже на то, кто именно сидит передо мной.

— Продолжай, — только и смог выговорить я.

— Второй пример, — произнёс Самуэль с неподдельным уважением в голосе.

Комната вокруг исчезла, сменившись тесным сводчатым помещением. В нос тут же ударил резкий дух нагретого металла, химических реактивов, растопленного свечного сала и жжёного стекла. На стенах в неровном свете свечей прыгали тени, а поверх меловых формул и расчётов проступали контуры рун, различимые только здесь, с изнанки.

В центре лаборатории у массивного рабочего стола стоял Михайло Ломоносов, высокий, широкоплечий, в расстёгнутом камзоле со следами кислоты на рукавах. Двигался он быстро и на удивление точно для своей комплекции. Перебирал стеклянные трубки и медные сферы с уверенностью человека, который точно знает, что ищет.

— У него осталась память прошлого, — с оттенком грусти произнёс маг. — И, быть может, это была моя ошибка.

Самуэль сложил руки на груди, не сводя глаз с учёного:

— Ломоносов наотрез отказался терять свои знания перед переходом. Умолял оставить, обещал использовать их с умом. А в итоге всю жизнь пытался нащупать следы магии в законах физики, там, где её не было. Ему было тесно в рамках обычной науки, он упрямо стремился заглянуть за грань материи и увидеть то, что скрыто от обычных глаз. В вашем мире он называл это «эфиром». Пытался описать формулами ту самую среду, что связывает материальный мир с миром магии. Он безошибочно чувствовал её присутствие, хотя здесь у неё не было ни имени, ни отклика. Все его исследования электричества, атмосферы, оптики и химии били в одну точку. Он искал первооснову вещей.

В тесной комнате стояло тяжёлое напряжение. В стеклянных колбах то и дело сухо щёлкали синеватые искры разрядов, а в воздухе ощутимо тянуло озоном.

— Но ваш мир не магический, — Самуэль понизил голос. — А без внешней магии такие опыты становятся работой на износ без всякой страховки. Обычное человеческое тело просто не рассчитано на такой объём знаний и такую концентрацию усилий. Пытаясь запустить процессы, требующие магического импульса, он черпал силы из самого себя, даже не понимая, что выжигает собственный ресурс.

Я присмотрелся и заметил вокруг фигуры Ломоносова слабое, рваное свечение, тусклое и тонкое, как у свечи, которая горела слишком жарко и уже догорала до самого конца. Здоровое с виду тело явно сдавало под этой нагрузкой.

— Он сгорел слишком быстро, — вздохнул старик. — Списали всё на простую пневмонию, но причина была куда глубже. Он просто не умел останавливаться и продолжал искать, даже когда организм уже отказывался поспевать за мыслью.

Я молча смотрел на широкую сутулую спину человека у стола. Даже щенок у моих ног притих и перестал возиться.

— Он оставил след, который не сотрётся временем, — наконец произнёс маг. — Его жажда знаний стала примером для одних, его ошибки стали уроком для других, а открытия легли в фундамент для будущих поколений. Но цена… цена всегда остаётся личной историей каждого искателя.

***

— И наконец, третий, заключительный пример, — произнёс маг.

Тесная петербургская лаборатория растворилась в воздухе.

Мы оказались на открытой пустоши Лонг-Айленда, километрах в ста от Манхэттена. Закатное солнце окрашивало горизонт в тёмно-багровые тона, с океана тянуло свежим солёным ветром, а прямо перед нами в темнеющее небо уходила стальная конструкция Башни Ворденклиф. Её массивный решётчатый купол глухо гудел на ветру.

Я невольно запрокинул голову. Всё, что я раньше знал об этой башне по книгам и старым зернистым фотографиям, не шло ни в какое сравнение с реальностью. Здесь, у её подножия, даже промёрзшая земля мелко дрожала под подошвами от работающих внутри генераторов.

Самуэль не торопил меня, давая осмотреться; ветер с залива трепал полы его тёмного плаща.

— Никола Тесла, — заговорил он наконец с глубоким уважением. — Человек, чьё мышление опережало современников на целую эпоху. Он пришёл из мира высочайших энергетических технологий и принёс свои знания сюда, в мир, который ещё не знал, что с ними делать. Вы и спустя столетие пользуетесь плодами его открытий, даже не до конца осознавая масштаб того, что он задумал.

Через широкое окно кирпичного корпуса рядом с башней был виден и он сам, высокий, худощавый человек в аккуратном тёмном костюме с медными пуговицами. Двигался он быстро и порывисто, на ходу сверяя показания приборов, и в каждом его жесте угадывалась та же предельная собранность, какую я только что видел у Ломоносова.

— Катушки, трансформаторы, генераторы, электродвигатели, — перечислял Самуэль под низкий гул башни. — Всё это плоды его неутомимого труда. Как и Ломоносов, он с головой ушёл в свои исследования, но если Ломоносов пытался понять природу материи, то Тесла работал с чистой энергией и её потоками.

Голос старика стал суше и жёстче:

— Вот только ваш мир к тому моменту уже сделал свой выбор. Пока Тесла говорил о беспроводной передаче энергии, о том, что свет и тепло можно черпать буквально из-под ног, как воду из колодца, весь мир уже уверенно шагал по другой дороге. Дороге, которую проложили нефтяные короли. Их трубы, вышки и танкеры опутали планету плотной сетью, и в этой схеме не оставалось места для башен вроде Ворденклифа. Нефть можно было разливать бочками и цистернами, продавая в розницу каждую каплю, а энергию, свободно разлитую в небе, со счётчиком не продашь. И прагматичный мир выбрал то, чем удобно торговать. Тесла же остался стоять на обочине собственной эпохи, с чертежами, опередившими время, и с башней, которой так и не дали заработать в полную силу.

С океана снова потянуло сыростью, послышался шум прибоя, а за ним тихо гудели механизмы внутри кирпичного здания.

***

Декорации Лонг-Айленда исчезли, вернув нас в тишину комнаты.

— Как видишь, три совершенно разных человека, — произнёс Самуэль, обводя рукой пространство. — И каждый по-своему изменил ваш мир. Леонардо да Винчи с его универсальным взглядом инженера и художника, Ломоносов с железной волей исследователя, Тесла, видевший в электричестве куда больше других… Каждый оставил свой след. Но знаешь, в

вашем мире хватало и своих самородков. Ваша цивилизация и сама умела рождать яркие умы. В каждом веке, на разных континентах появлялись люди, чьи идеи опережали свою эпоху.

Я слушал его и думал о своих дипломах в ящике стола, о пустой квартире и унылом балконе с видом на заросший пустырь. Там всё уже было понятно и расписано на годы вперёд. А здесь всё только начиналось.

— Беда в том, — тихо продолжал старик, глядя на огонь свечей, — что современники редко принимали их при жизни. Общество, скованное привычкой и выгодой, почти всегда отторгало тех, кто пытался раздвинуть границы известного. Их идеи казались слишком смелыми, а открытия слишком опасными для устоявшегося порядка. Многие из них умирали в нищете и забвении. Их рукописи сжигались или пылились в архивах, имена забывались. Идеи, конечно, прорастали сквозь время и меняли мир задним числом. Вот только самим создателям от этого было уже ни холодно ни жарко.

— Но почему я? — вопрос прозвучал тише, чем мне хотелось бы.

— Этот вопрос задал бы любой нормальный человек на твоём месте, — неторопливо ответил он. — Это естественно. Но ты здесь не случайно. Тебе достались редкий дар и характер, и ты распорядился ими правильно, даже не зная, что проходишь проверку. Не каждый способен не сломаться и остаться собой, когда вокруг все живут по другим правилам.

В этот момент один из волчат у кресла, тот самый, что всегда держался чуть внимательнее остальных и смотрел пронзительными жёлтыми глазами, поднял морду. Его взгляд встретился с моим.

Не издав ни звука, он ещё немного неуклюже переступил лапами и подошёл к моим ногам. Я наклонился, осторожно подхватил его под тёплый живот и устроил у себя на коленях. Щенок тут же доверчиво уложил мордочку мне на ладони и шумно, прерывисто вздохнул, согревая пальцы своим дыханием.

Я погладил его по жёсткой детской шерсти на загривке и снова посмотрел на старика:

— Ты всё-таки так и не ответил. Почему меня ты не спросил, хочу ли я вообще всего этого?

Самуэль даже бровью не повёл. Только спокойно кивнул:

— Так откажись. Я щёлкну пальцами, и ты прямо сейчас вернёшься в свою квартиру. В ту самую, где всё знакомо до последнего пыльного угла. Феноменальная память тут же исчезнет. Я оставлю тебе только одно воспоминание об этом самом разговоре. Яркое и чёткое, как старый снимок. И ты проживёшь свою жизнь, зная, что однажды тебе предложили нечто великое… а ты отказался.

Голос мага стал тише, почти перешёл на шёпот:

— Ты будешь помнить об этом каждый день и каждую бессонную ночь. И, скорее всего, просто сопьёшься. От тоски по тому, что могло бы быть.

Я прищурился, пытаясь поймать его на блефе или манипуляции. Бесполезно. На лице старика была лишь спокойная уверенность человека, который просто озвучивает очевидный факт.

— Шантажист, — бросил я наконец. — Вот ты кто. Да и сам же сказал, что вернуться не получится.

Самуэль лишь слегка улыбнулся.

— Согласись, я заинтриговал, — произнёс он с явным удовольствием.

Он чуть подался вперёд в кресле. Волчонок на моих коленях совсем притих. Я криво, горьковато усмехнулся:

— Да кем надо быть-то, чтобы отказаться? — я махнул рукой в сторону стены, словно указывая на невидимую дверь в прежнюю жизнь. — Я ведь отлично знаю, что ждёт меня там. Работа, быт, семья. Может быть, к старости дорасту до Академии наук. Или не дорасту. Обычная жизнь по накатанной колее.

Я повернулся к магу, встречаясь с ним взглядом:

— А здесь… здесь то, чего там нет ни у кого. Возможность дотянуться до вещей, которые человечество ищет веками. Как от такого откажешься?

По тому, как потеплели глаза старика, стало ясно, что он остался доволен. Напряжение, висевшее в комнате последний час, окончательно отпустило.

— И как мне тебя лучше называть? — спросил я, переводя дух.

Самуэль спокойно пожал плечами:

— Как хочешь. Ты парень необычный, времени проведём вместе немало и, скорее всего, станем хорошими друзьями. Так что называй как удобно, только без официоза. — Он махнул рукой и усмехнулся. — Хотя кому я говорю…

Я внимательно посмотрел на его седую бороду и морщины вокруг глаз:

— Буду звать тебя просто… Дед.

Маг тихо, искренне рассмеялся, и от этого простого смеха в пустой комнате сразу стало тепло и почти уютно.

— Замечательно, внучек, — кивнул он. — Иди теперь спать. Или тебе колыбельную спеть?

— Шутник, значит, — пробормотал я, осторожно ссаживая сонного щенка на пол и поднимаясь. Накопившаяся усталость навалилась разом.

— Отдыхай, — коротко произнёс маг.

И в ту же секунду исчез, просто растворился в воздухе вместе со своим массивным креслом. Освещение снова стало мягким и ровным, возвращая комнате её привычный утренний вид.

Я медленно дошёл до кровати, чувствуя, как гудят ноги, опустился на матрас, вытянулся во весь рост и уставился в потолок.

«Вот это поворот», — вяло мелькнуло в голове, пока веки сами собой слипались.

Краем глаза я уловил движение. Прямо из воздуха у края кровати появилась невысокая деревянная лесенка. По ней, тихо постукивая коготками по ступенькам, один за другим уже ловко карабкались наверх волчата.

Первый неторопливо прошёл по одеялу, забрался прямо ко мне на грудь и свернулся там тёплым клубком, будто это место всегда предназначалось именно для него. Я машинально положил ладонь ему на спину, чувствуя, как мерно поднимается и опускается его бок. Щенок не шевельнулся, только глубоко, сонно вздохнул, утыкаясь носом поудобнее, и под его тихое сопение я наконец провалился в крепкий, спокойный сон.

Глава 3

Проснувшись и быстро позавтракав, я устроился в ожидании Деда. В теле ещё жила сонная тяжесть, в голове стояла ровная пустота, не требующая ни мыслей, ни решений. Рядом моя троица с аппетитом уничтожала своё утреннее меню. Из мисок доносилось довольное урчание и смачное причмокивание. Закончив с едой, двое по привычке попытались затеять возню, но быстро осознали, что с туго набитыми животами это непосильная задача, синхронно вздохнули и развалились на полу. Третий, самый ленивый, даже не тратил силы на игру и завалился на бок сразу после последнего кусочка. Тишина комнаты не угнетала, скорее заставляла прислушиваться. Ни дверей, ни окон, глухой замкнутый куб из неизвестного минерала. Я привык всё разбирать на части и мерить, поэтому и здесь взялся за дело по-своему. Отсчитал шаги от стены до стены, приложил ладонь к камню, задержал дыхание и вслушался. Камень был тёплым и ровно таким же, как вчера.

Внезапно геометрия куба нарушилась. На одной из гладких стен просто материализовалась дверь. Стыков не было. Камень перестроился по щелчку. Щенки, почувствовав перемены, мигом забыли про сытую лень, поднялись и сели передо мной в идеальную стойку. В их умных глазах читалась полная готовность к действию.

— Всё, хватит сидеть, — раздался знакомый голос, и следом послышался нарочито тяжёлый грохот шагов.

От вида вошедшего мага я на секунду оторопел. Свободная белая рубашка, тёмные штаны, заправленные в высокие сапоги, тот самый строгий канон, к которому я уже начал привыкать. На голове красовалась широкополая чёрная шляпа с длинным серым пером, вписанная в ту же палитру, но чересчур театральная. Сильнее всего удивило лицо. Без длинной серебристой бороды Дед выглядел едва ли старше тридцати пяти, и я лихорадочно сопоставлял новые пропорции челюсти и скул с прежним образом старца.

— Не… шляпа, пожалуй, лишняя, — пробурчал он, ловя мой скептический взгляд. Одним точным движением он снял головной убор и небрежно швырнул его в сторону каменной стены. Шляпа, не долетев пары сантиметров до поверхности, растворилась в воздухе без следа. Я не сдержал ироничной улыбки. Театральность магии Дед чтил строго, даже когда оставался без бороды.

— Итак, приступим, — произнёс Дед с непривычной серьёзностью. — За этой дверью ты найдёшь библиотеку и полигон. Язык книг покажется тебе незнакомым, но не бойся. Ты всё поймёшь. Просто читай. Начнём с самых простых заклинаний.

При упоминании чужого языка во мне проснулся лингвист. Я знал строение пяти языковых семей, которые успел разобрать, и уже подобрался, готовый разбирать незнакомую грамматику по косточкам.

— После обеда практика на полигоне. Я покажу, как применять то, что ты узнал. Библиотека будет расти вместе с твоими знаниями. Утро посвятим теории, а вечер практике. Всё довольно просто.

С этими словами он растворился в воздухе. Никаких спецэффектов, лишь лёгкое покалывание на коже. Я направился к появившейся двери и на ходу бросил в пустоту просьбу позаботиться о сытых и ленивых щенках.

То, что открылось за порогом, заставило меня замереть. Вокруг простиралась абсолютная пустота. Ни стен, ни пола, ни потолка. Собственное дыхание стало слышно отчётливо, а шаг не дал эха. Я стоял на полупрозрачной плоскости, зависшей посреди ничто. Впереди, в паре десятков метров, висели две массивные двери, а между ними лениво покачивались факелы. Их языки пламени горели без копоти и треска, не зная ни ветра, ни тяжести. Красиво, театрально и чертовски нелогично.

Подойдя к левой двери, я осторожно толкнул тяжёлое деревянное полотно. За ним не оказалось ничего. Первозданная тьма, пустота без глубины, звуков и движения воздуха. Я попробовал мысленно замерить расстояние или хотя бы поймать эхо собственного дыхания, но на этот раз не понял ничего. За дверью не работала привычная логика.

— Вероятно, это и есть тот самый полигон, — пробормотал я, невольно отступая на шаг и закрывая створку.

Я повернулся ко второй двери и рывком распахнул её. За порогом открылся просторный зал библиотеки. Я сразу оценил идеальные пропорции помещения, высокие своды и мягкий рассеянный свет без видимого источника. В центре возвышался массивный стол из тёмного дерева. На столе лежали две книги. За свою жизнь я перечитал тысячи томов, от древних манускриптов до современных бестселлеров, но таких фолиантов не видел. В моём мире подобные сокровища хранили бы в залах крупнейших музеев под пуленепробиваемым стеклом, под круглосуточной охраной и строгим температурным контролем.

Я подошёл ближе, и взгляд зацепился за сам стол. Память тут же вытащила лекцию Деда о великих переселенцах. Имея за плечами музыкальное образование по классу фортепиано, я буквально кожей почувствовал то, что называют «застывшей музыкой». Я провёл ладонью по идеальным изгибам тёмной древесины и чистым стыкам.

Насладившись моментом, я переключил внимание на книги. На первой, «Основы магии», лежали следы веков. Потёртые края, потемневшая кожа переплёта и едва уловимый запах пыли. Вторая, «Мир Тэн'Арин», наоборот, поражала королевской роскошью. Инкрустированная золотом и украшенная драгоценными камнями, она переливалась в свете невидимых свечей. «Интересно, почему в магических мирах так часто используют апостроф?» Мысль лингвиста промелькнула и ушла. Наклонившись над столом, я осторожно приподнял роскошную обложку «Мира Тэн'Арин», секунду подержал её в руке и отложил в сторону дожидаться своего часа.

Затем я раскрыл «Основы магии» и замер. Незнакомые буквы на страницах извивались и переплетались сложным узором, непохожим ни на клинопись, ни на земные иероглифы. Но смысл рождался в голове сам, напрямую, минуя звук и подбор слов. Книга оказалась не такой уж объёмной. Её внушительность создавали плотные, тяжёлые листы пергамента. Мне хватало скользить по строкам взглядом. Листы переворачивались с сухим шелестом, и всё отпечатывалось в памяти навсегда. Вникать в смысл сразу я не пытался. Позже смогу точно воспроизвести каждый знак и каждое слово.

Вскоре в зале появился маг, теперь уже полностью в образе каноничного волшебника. Он вошёл через дверь, которой я раньше не видел. Она просто возникла в стене, и он шагнул внутрь. Аккуратно подстриженная серебристая борода снова обрамляла лицо, возвращая образу былую мудрость. В руке он держал длинный деревянный посох, потемневший от времени. Мимоходом я разглядел на древесине искусно вырезанные светлые узоры. Они повторялись, дробились и явно были здесь не для красоты.

— Прочитал? — спросил он с едва заметной улыбкой.

— Ты же знаешь ответ. Зачем спрашиваешь? — ответил я, не скрывая лёгкого раздражения.

— «Зачем спрашиваешь?» — по-доброму передразнил он. — Это просто привычка. Я пытаюсь придать этому месту человеческие черты, чтобы ты не чувствовал себя подопытным объектом в лаборатории.

Он опустился в кресло, возникшее прямо из воздуха, и небрежно закинул ногу на ногу. Между ладоней с мягким потрескиванием зародился небольшой пульсирующий огненный шар. Свет пламени ложился на стены тёплыми отсветами.

— Что понял из «Основ магии»? — спросил он с искренним интересом. — Дай угадаю, теория усвоилась идеально, но механика процессов кажется абстракцией? Постой, ты даже не стал вникать.

— Ты постоянно будешь читать мои мысли? — с горечью ответил я.

Он легко рассмеялся, радуясь моему вынужденному замешательству. Сухие формулы без собственного опыта оставались для меня мёртвым грузом.

— Извини, Сёма. Больше не буду, а если не сдержусь, ты об этом не узнаешь. Ничего не понял из прочитанного?

— Конечно, не понял, — ответил я, глядя на танцующее пламя в его руках. — Точнее, память зафиксировала каждую строчку, а что с ними делать, я не знаю. Никогда ведь не пробовал сам.

Маг понимающе кивнул, продолжая лениво перекидывать пульсирующий сгусток из руки в руку. Свет огня играл на его лице, делая его то старше, то моложе.

— А теперь скажи мне, — начал он, и голос его стал серьёзнее, — почему ты не стал читать «Мир Тэн'Арин»? Это ведь важно. Новый мир, свои фракции, законы, социальное устройство, конфликты. Без знания этикета тебе будет трудно. Ты рискуешь выглядеть там чужим.

— А я и есть чужой, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. — И не хочу делать вид, что это не так. На Земле вся моя жизнь была просчитана на десять ходов вперёд, разложена по полочкам и защищена дипломами. Всё было слишком предсказуемо. Здесь я хочу вернуть себе право удивляться, радоваться тому, чего не знаю, а не действовать по готовой методичке. Не хочу подстраиваться и играть чужую роль.

Я вздохнул, чувствуя, как упрямство берёт верх над осторожностью.

— Я пройду обучение по магии, да. Но никаких имён, никаких титулов. Я не должен знать, кто меня учит. Пусть лица наставников останутся скрыты, а голоса изменены. Историю этого мира знать заранее не хочу, пусть всё раскрывается само, в своё время.

В комнате повисла тишина, нарушаемая потрескиванием угасающего пламени. Маг замер и сжал ладонь. Огненный шар исчез без копоти, оставив запах нагретого воздуха.

— Хм… — произнёс он тихо. — Вот как. Путь без карт. Слепой переход. Интуиция вместо готовых инструкций… Пожалуй, я даже завидую твоей дерзости. Я предполагал, что ты выберешь максимальную информированность. И всё же, возможно, такой маршрут намного лучше. Будь по-твоему, ни имён, ни титулов, ни лиц. Только не говори потом, что тебя не предупреждали. Когда начнёшь узнавать, кто именно вкладывал в тебя знания… это будет настоящее открытие. Но предупреждаю, некоторые знания окажутся тяжелее всего, с чем тебе приходилось сталкиваться. Будет непросто.

— Я справлюсь.

Маг поднялся и сделал несколько размеренных шагов по залу. Мантия шуршала по полу, посох глухо постукивал в такт мыслям. Он остановился у глухой стены, провёл рукой по воздуху, потом резко развернулся и снова опустился в кресло.

— Ладно, к делу. Раз уж из книги ты вынес только сухую теорию, объясню на пальцах. Представь, что твой магический потенциал похож на некую ёмкость, вроде сосуда. Возьмём простейшее заклинание, зажечь костёр. Щелчок, и огонёк. Это занимает сотую долю от общего объёма. Если ты повторяешь его много раз, заряды накладываются друг на друга, накапливаются, и в какой-то момент энергия упирается в стенки. Всё, потолок. Потенциал от этого растёт крайне медленно, по капле. Зато сложное заклинание может вообще не поместиться в твой текущий объём. Втиснешь, и деформация стенок будет мощнее, а потенциал расширится заметно быстрее. Сложные структуры эффективнее растягивают «сосуд». Уловил?

Я кивнул, примеряя его сравнение к себе.

— Хорошо, — хмыкнул маг. — Дальше. Твой внутренний сосуд соединяется с внешним Источником силы. И вот тут критический нюанс. Сколько силы ты можешь вытянуть разом, зависит от ширины этой связи. Представь, что потенциал у тебя размером с арбуз, но трубочка к Источнику совсем узкая. Вроде и есть чем пользоваться, а вытянуть нужный объём за секунду не можешь. Образно говоря, вместо разрушительного огненного вала ты получишь пшик размером со сливу. Даже если очень хочешь арбуз. Понял?

«Широкий амбар с узкой дверью», — подумал я, и от этой картинки стало смешно.

— Связь с Источником я тебе здесь не расширю, — продолжил Дед, возвращаясь в кресло. — Она растёт только в реальном мире, под жёстким присмотром Мага Жизни. А запас силы остаётся твоей заботой. Чем больше здесь выложишься, тем шире он раздастся.

Маг откинулся на спинку кресла.

— Ну, ты парень с пятью дипломами, не глупый. Разберёшься.

Я кивнул с максимально серьёзным, академическим выражением лица.

Дед подозрительно прищурился, в его глазах блеснули искорки.

— Ты сейчас издеваешься надо мной, что ли, со своей миной?

Я снова молча кивнул с самым невинным видом, едва сдерживая внутренний смех.

— Ага, ясно… — маг шутливо фыркнул и поднялся. — Всё, хватит сухой теории, у меня от твоих выкладок в горле пересохло. Пошли обедать, а после практика на полигоне.

***

Мы вышли в соседний зал, где длинный стол ломился от яств. На блюдах уже ждало именно то, чего мне сейчас хотелось. Хрустящие лепёшки с золотистой корочкой, дымящиеся супы, сочные ягоды. Троица мгновенно материализовалась у ног, жалобно поскуливая и нетерпеливо постукивая хвостами по каменным плитам.

— Дед. А, Дед, — позвал я, расправляясь с обедом.

— Чего тебе, внучек? — отозвался он, не поднимая глаз от подноса с фруктами.

— А мы так и будем консервироваться в этих унылых серых стенах? Ты ведь сам хвастался, что можешь перестроить это пространство под любой запрос.

— А я думал, ты сам проявишь фантазию и, когда придёт время, изменишь помещение под себя, — приподняв бровь, парировал он.

— Помещение? — я усмехнулся, чувствуя, как разгорается азарт проектировщика. — Когда в твоём распоряжении бесконечный пространственный карман, называть это помещением почти преступление против эстетики.

Я тут же выдал ему дерзкое и масштабное задание, подкреплённое дипломом по архитектуре. Потребовал прекратить держать нас в каменной коробке и расписал всё, что должно быть у настоящего дома. Свет, вода, деревья, место для работы и место, где просто дышится. Старый маг неторопливо откинулся на спинку стула, тщательно вытер пальцы льняной салфеткой, и глаза его блеснули неприкрытым удовольствием.

— А ты нахал… — хмыкнул он, но в его взгляде читалось одобрение моего наглого архитектурного плана. — Ну да ладно. Так уж и быть, прими работу, внучек.

Дед поднялся, глубоко вздохнул, и вокруг нас развернулось настоящее пространственное таинство. Он плавно водил руками по воздуху, вылепливая очертания будущего ландшафта, и размеренно шептал что-то себе под нос. Я сразу понял, что этот шёпот и широкие пассы не имеют технического значения для перестройки пространства. Это была та самая великая театральность магии, о которой он мне твердил. Серые каменные стены дрогнули, превращаясь в зыбкую пелену тумана, и начали растворяться, обнажая каркас новой реальности.

От этой внезапной трансформации маленькие волчата не на шутку испугались. Потеряв прежнюю уверенность, они жалобно заскулили и бросились ко мне, тесно прижимаясь к ногам, сопя и дрожа. Я опустил ладонь, удерживая их возле себя. Пространство проступало слой за слоем. Сначала вместо стерильной сухости Чертогов в лицо пахнуло океаном и сырым

мхом. Следом ворвался мягкий золотистый свет полуденного солнца, и мир обрёл звучание. Над головой закружили чайки, волны с мерным рокотом накатили на берег, за спиной послышался шелест листвы.

Густой хвойный лес, как я и заказывал, плотно встал за аккуратным плетёным заборчиком, уходя за синеющие холмы. На горизонте высились горы с белеющими шапками снега. Под ногами расстелилась мягкая тёплая трава. На невысоком холме проступили чёткие контуры дома из золотистого бруса, с резными ставнями, обвитыми диким виноградом. К калитке вела тропинка из гладких камней, растворяющаяся в белоснежной полосе пляжа. Океан лежал перед нами, переливаясь от ультрамарина до бирюзы. Слева поднялся тёмный утёс для правильного акустического эха, с вершины которого струился хрустальный водопад, а справа тянулся пляж с белым песком, на котором раскинулась тренировочная площадка, поставленная так, чтобы летящий от прибоя песок не заносило на жилую зону. Чуть поодаль гармонично вписалось фасадом каменное здание библиотеки. Почувствовав, что всё стихло, а под лапами вместо холодного камня мягкая трава, волчата мгновенно оттаяли и с восторгом высыпали на залитую солнцем поляну.

Маг усмехнулся, наблюдая за моим застывшим лицом.

— Ну как? Устроил я небольшое представление для твоего архитектурного эго?

Внутри поднимался глухой детский восторг. Я поспешил спрятаться за привычную питерскую иронию и небрежно бросил:

— Ну, для провинциального театра декорации сойдут, Дед. Хотя за ровную линию горизонта и правильный градиент ультрамарина в прибое, так и быть, ставлю твёрдую четвёрку с плюсом.

Маг расхохотался. Когда первый шок улёгся, мы устроились за деревянным столом у плетёного забора. Волчата носились по траве, и я почувствовал, как внутреннее напряжение окончательно отпускает. Расслабившись в тёплых лучах солнца, Дед сменил тему:

— Клички-то своей банде придумал?

— Пока нет, — ответил я, задумчиво наблюдая за щенками, которые уже вовсю осваивали прибрежную траву. — Они абсолютно идентичны внешне. Если окрас у всех угольно-чёрный, я начну их путать и со временем дам имя не тому.

— Нашёл проблему для Верховного мага, — усмехнулся он и небрежно взмахнул рукой. Воздух вокруг волчат на долю секунды замерцал, окутав их лёгким маревом.

В тот же миг щенки преобразились, не издав ни звука. Шерсть не перекрасилась. Дед просто изменил восприятие для моих глаз, и свет для меня ложился иначе. Один щенок стал чисто-белым, второй приобрёл благородный серый оттенок, а третий остался угольно-чёрным, напрочь поглощая свет.

— Кстати, — добавил Дед, вдыхая солёный бриз, — чёрная у нас девчонка, а белый и серый парни.

— Ух ты, — выдохнул я, лихорадочно подбирая нужное слово. — Белый будет Призрак, серый Туман. А вот с чёрной…

Я запнулся. Мысль, обычно работавшая быстро, забуксовала. Я нахмурился, пытаясь нащупать слово, которое отразит её хищную суть. Дед не торопил. Он понимающе улыбнулся, перехватил посох и замер, ожидая финала моих раскопок. В тишине, нарушаемой лишь мерным рокотом прибоя, я побарабанил пальцами по деревянному столу. Ритм ударов становился всё быстрее, вторя частоте пульса. Ночь. Тьма. Бездна полигона. Чёрная шерсть, поглощающая свет… Кусочки пазла в голове сошлись в одно слово.

— Мгла! — выкрикнул я, и это хлёсткое слово повисло над пляжем. — Точно. Чёрная будет Мгла.

Мгла в ту же секунду вскинула голову и уставилась на меня огромными жёлтыми глазами. В немигающем взгляде не было ни удивления, ни вопроса, только мгновенное принятие своей сути.

— Мне нравится, — веско одобрил Дед. — А теперь договоримся. В Чертогах и реальном мире они будут для тебя в своём настоящем, цветном облике. Но для всех остальных они останутся одинаково чёрными, пока мир не узнает, кто ты такой. Идёт?

— Идёт, — ответил я, не отрывая взгляда от троицы.

После этого Дед начал рассказывать тайные хроники нашего мира, те самые, которых не печатали в земных учебниках. О них можно было узнать только из уст очевидца, лично менявшего ход истории. Я сопоставлял его слова с тем пластом земных исторических данных, который накопил за годы жизни в научной среде. «Белые пятна», логические провалы и странные совпадения в земной истории, над которыми веками бились учёные, изящно закрывались магическим мироустройством Самуэля. Рассказы о Великих переселенцах, о Леонардо да Винчи, Ломоносове и Тесле выстраивались в стройную систему точечного вмешательства в развитие человечества.

— Ну что, поговорили и хватит, — сказал маг, поднимаясь из-за стола и опираясь на длинный деревянный посох. — Пошли на тренировочную площадку. Пора тебе учиться держаться в седле.

Я бросил взгляд на посох и едва заметно усмехнулся. Память уже сопоставила факты. В этом мире магам посохи не нужны. Сила идёт напрямую, от воли или от небрежного щелчка пальцев. Но Дед упорно таскал внушительную деревяшку с собой исключительно ради эстетики. Он требовал от меня не забывать о великой театральности магии и сам строго соблюдал это правило, создавая образ классического волшебника.

— Зачем ты везде его с собой таскаешь? — я указал на посох.

— Хочу и таскаю. Отстань от старого человека.

Мы спустились по тропинке, вымощенной гладкими камнями, к песчаной тренировочной площадке у кромки прибоя. Океан дышал прохладой, ветер трепал полы наших одежд.

— Я пару раз ездил в горах на Земле, — заметил я. — Мне, в принципе, нравилось.

— Знаю, — отозвался Дед, останавливаясь у края площадки. — Но всё равно начнём с самого простого. В реальном мире Тэн'Арина лошадь остаётся твоим основным средством передвижения, и держаться в седле ты должен уверенно.

Он небрежно щёлкнул пальцами, и прямо из солёного морского воздуха соткалась высокая, грациозная кобыла редкой серой в яблоках масти, с мягкими, внимательными глазами.

— Она твоя на всё время обучения, — произнёс Дед. — Лошадь чувствует, кто ты и какую силу скрываешь, так что здесь никакой театр не сработает. Только ты и она, без фальши.

Я шагнул вперёд, и спортивное прошлое включилось в работу. Гребля, гимнастика и волейбол дали мне не только развитую фигуру, но и чувство равновесия. Тело само взялось за дело. Колени, бёдра, спина, дыхание в такт. Седло оказалось лёгким, почти невесомым. Я осторожно опустился в него, и тело мгновенно вспомнило нужную посадку.

Лошадь плавно и размеренно сделала первый шаг. Песок рассыпался под её копытами. Гимнастическое прошлое позволило мне не бороться с инерцией животного, а мягко слиться с ней, компенсируя колебания наклоном корпуса. Дед, наблюдая за посадкой, удовлетворённо кивнул.

— Вот и хорошо, — негромко произнёс он. — Видишь, как всё ложится на старые дрожжи. Главное, не играй. Двигайся вместе с миром, а не наперекор ему. Стань частью этого ритма, позволь коню вести тебя, пока твоя собственная воля не станет для него законом.

Лошадь пошла рысью, и я перестал думать о том, как сижу. Маг шагал вдоль края площадки, его посох мерно постукивал по влажному песку.

— Помни, Семён, феноменальная память и есть твой главный козырь, но в реальном бою она может стать ловушкой, — начал он, и лицо его стало жёстким. — Теория остаётся лишь идеальным чертежом в твоей голове. Ты будешь до последнего знака помнить, как держать меч, как уходить от встречного выпада или направлять потоки энергии. Но сухое знание ещё не умение. Магию, как и боевую сталь, придётся вбить в собственное тело, сделать её частью физиологии. Чтобы заклинание или удар клинка стали по-настоящему твоими, тебе придётся практиковаться здесь вечность. Неустанно, пока мысль не перестанет опережать действие, а тело не начнёт реагировать на уровне рефлексов. Будь ты простым кузнецом на Земле, ты день за днём, год за годом монотонно махал бы тяжёлым молотом, нарабатывая мозоли. А ты преемник Верховного мага Тэн'Арина. Это работа куда более тонкая, сложная и опасная. У тебя будут лучшие наставники по всем мыслимым дисциплинам. Я могу выдернуть сюда ментальный слепок любого великого мастера из прошлого или настоящего. В их родной реальности пройдёт лишь миг, а здесь вы проведёте долгие месяцы изнурительных тренировок. Они передадут тебе всё, что копилось в их династиях веками. За стенами Чертогов они не увидят твоего лица и никогда не вспомнят твоего имени, но их опыт навсегда останется в твоих мышцах.

Когда мы подходили к краю тренировочного поля, я уловил за спиной лёгкий шорох. Обернувшись, увидел Мглу. Она, ещё нетвёрдо ступая по вязкому песку, упрямо шла за мной. Уши смешно припали к голове, глаза прищурены, лапы переставлялись с трудом, но она не собиралась отставать. Я остановился, присел на корточки и тихо произнёс с улыбкой.

— Ты что, малыш, решила, что я без тебя не справлюсь?

Мгла подняла на меня тяжёлый упрямый взгляд, в котором угадывалась недетская мудрость. Потом шумно вздохнула, уселась на песок и уставилась вперёд, на полигон.

— Ну ладно, — улыбнулся я. — Раз пришла, будем учиться вместе.

Я протянул руку, и она на секунду ткнулась в ладонь тёплым носом. Затем поднялась и двинулась следом, заняв своё место на полшага позади.

— А вот практической магии буду учить тебя только я, — продолжил Дед. — В реальном мире любой сильный маг чувствует, когда кто-то начинает практиковать. Они считывают даже слабую искру, случайный всплеск энергии. А я умею полностью экранировать твои тренировки от чужого восприятия.

Я слушал молча, и с каждым словом внутри складывался распорядок новой жизни.

***

Время в Чертогах застыло, потеряв привычные земные ориентиры. По моим ощущениям, в Чертогах прошло около полутора-двух лет. Однажды я заметил, что дерево, посаженное у дома, стало выше крыши, а волки перестали помещаться на крыльце и теперь спали во дворе, уронив головы на лапы и вытянувшись во всю длину, так что хвосты касались забора. За этот срок моя троица превратилась в настоящих исполинов, размерами превосходивших самых крупных боевых коней.

Шерсть Тумана отливала морской серостью, Призрак сиял белизной, а чёрная шкура Мглы казалась продолжением ночи, поэтому в тени деревьев волчица легко сливалась с темнотой.

Чтобы не сойти с ума от бесконечных тренировок, в тени старого раскидистого дерева я обустроил место для творчества, а именно плетёный навес с широким деревянным настилом. Дед помогал со всеми моими идеями. Я по памяти воссоздал там белый рояль и выбрал для него место так, чтобы под открытым небом ноты не терялись. Когда пальцы касались клавиш, волки устраивались рядом и затихали, а Дед молча садился неподалёку, закрывал глаза и слушал, находя в земных мелодиях утешение.

Под навесом я наконец оставался один и мог без спешки разобраться в собственной жизни. Сидя у рояля или глядя на чистый холст, я отчётливо осознавал, что на Земле всё давалось мне слишком легко. Любая сложная интеллектуальная задача, на которую у обычных

людей уходили годы, решалась мимоходом, без видимых усилий. Пять дипломов к двадцати одному году не были подвигом. Они были естественным результатом работы памяти. Плюс к этому музыкальное образование. Я шёл по жизни с пугающей лёгкостью, никогда не чувствуя вкуса победы, потому что не знал, что такое преодоление. В Чертогах Самуэля ничего не изменилось. Магия, принципы, сложнейшие пространственные законы ложились в память так же гладко и послушно. Изнурительные упражнения с оружием тело схватывало на лету. Но если на Земле эта лёгкость рождала скуку и скепсис, то здесь всё, что со мной происходило, вызывало глухой восторг. Каждое послушное заклинание, каждая новая привычка приносили чистую, детскую радость.

Рисование стало второй страстью после музыки. Для человека с абсолютной памятью холст был возможностью выплеснуть наружу образы, которым не хватало места в голове. Дед помогал и здесь, хотя я не знал, кто именно. Моими учителями были только гениальные художники Земли. Поначалу я брался за кисть осторожно, но с каждым днём обретал уверенность. Я переносил на полотна яркие сны, детальные воспоминания о питерских улицах, которые боялся потерять, лица родителей и даже образы людей и пейзажей, которых ещё не встречал наяву, но которые смутно ждали меня за границами Чертогов. Мольберт всегда стоял рядом с роялем. Иногда я переходил от клавиш к краскам без единого слова. Ветер с океана лениво играл с листами бумаги, тени деревьев танцевали на земле, а я пытался поймать это движение в цвете, чувствуя себя по-настоящему счастливым в этом рукотворном мире.

Мои упорные тренировки с боевой сталью поначалу вызывали у Деда недоумение. Каждый день после теории я часами пропадал на песчаной площадке, оттачивая мастерство во всех доступных видах оружия. Верховая езда, работа с одноручными и двуручными мечами, топорами, луком и метательными ножами. Старый маг противился этой трате времени.

— Семён, опомнись, путь Верховного мага не требует подобных примитивных навыков! Зачем тебе эти железки, когда ты можешь испепелить врага мыслью? Тебе это не пригодится.

Но я был непреклонен. Магия требует тонкой настройки и зависит от внешних факторов, а крепкое тело, поставленный удар и умение орудовать клинком надёжнее всего, если в Тэн'Арине что-то пойдёт не по плану или Источник будет заблокирован.

Я понимал, что здешняя физическая форма, рельефные мышцы и выносливость не перенесутся в новый мир автоматически, и при переходе я окажусь в уязвимом теле. Но тысячи часов тренировок, каждый выверенный выпад и отработанный до автоматизма блок отпечатались в рефлексах. Стоит оказаться там, и тело само вспомнит, как ложится удар, а новой оболочке останется лишь подтянуться под эти привычки. Эта уверенность заставляла меня тренироваться до седьмого пота.

Что касается магии… Первые неуклюжие шаги в Чертогах я вспоминал с ностальгической улыбкой, тот самый жалкий дрожащий огонёк на ладони и едва заметный вихрь пыли у ног. Мой тренировочный полигон, поначалу пугавший первозданной пустотой, разросся вместе с возможностями до невероятных размеров. Здесь, под бескрайним небом и под аккомпанемент бьющихся о скалы волн, я творил вещи, которые раньше счёл бы нарушением всех законов природы. Воздушные потоки вздымались плотными смерчами до высоты крепостных башен, огненные столбы пронзали небесный свод, заставляя закипать воду у берега. Я поднимал в воздухе валуны, парил над лесом, двигался быстрее, чем позволяло обычное тело.

Особое место в обучении заняла магия времени. Она давалась с той же пугающей лёгкостью, но вызывала самый сильный трепет. Сначала я заставлял замирать в воздухе отдельные капли прибоя. Потом, шаг за шагом настраивая в себе чувство времени, научился полностью останавливать его течение вокруг себя, сперва на мгновения, затем на целые минуты. Мир застывал, превращаясь в чёткую трёхмерную картину. Чайки замирали в полёте со взмахнутыми крыльями, волны каменели в перламутровой пене, ветер переставал шевелить мои волосы. Я ходил между застывшими элементами реальности и рассматривал их устройство.

Менять что-то в этом состоянии было невозможно, но сама возможность быть сторонним наблюдателем замершего абсолюта дарила ощущение триумфа.

Со временем я понял, что настоящая сложность была вовсе не в запоминании очередного заклинания. Труднее всего оказалось удерживать в уме и запускать несколько заклинаний одновременно. Готовых решений на все случаи жизни просто не существовало, так что в реальной ситуации приходилось импровизировать, комбинировать простые элементы на ходу и выстраивать из них рабочие связки.

Параллельно с ростом сил каменное здание библиотеки превратилось в пространственный лабиринт знаний. Полки с бесчисленными томами заклинаний и свитками уходили высоко вверх, теряясь в полумраке под шпилями крыши. Поиск нужного фолианта стал отдельным приключением. Я мог мгновенно телепортироваться к нужной секции, но сознательно выбирал долгий путь полёта между стеллажами, плавно скользил мимо рядов старинного пергамента, вытягивая книги силой мысли.

В один из таких полётов, когда я изучал границы нашей изоляции, меня занесло гораздо дальше привычного периметра, туда, где горизонт океана казался бесконечной линией. И я нашёл его. Край Чертогов Самуэля существовал физически. Пространство упиралось в прозрачную преграду, неосязаемую для ветра, но непреодолимую для тела. Я завис в воздухе, прижавшись ладонью к невидимой стене. Под ладонью не было ни холода, ни тепла, только ровный тихий пульс, и в этом пульсе была такая древняя спокойная сила, что мне стало не по себе. За ней, в бесконечной глубине, происходило непрерывное колоссальное движение. Что именно там двигалось, массы вещества, потоки чужой энергии или сами складки пространства, я не мог даже предположить. Мысль буксовала, и природа этого шевеления за стеклом оставалась недоступной. Зрелище не пугало, но разжигало исследовательский интерес. Однако на все мои вопросы Дед реагировал на удивление жёстко. Он уклонялся от ответа, переводил тему на тренировки и явно не собирался ничего объяснять. Граница Чертогов пока оставалась для меня тайной.

Ментальная магия оставалась официально запретной темой в мире Тэн'Арина. Искусство прямого подчинения чужой воле и взлома сознания Дед не одобрял, но обучить меня всё-таки был обязан. Копаться в чужих мыслях мне было противно, и знание это требовалось исключительно ради безопасности. Я должен был чётко знать, как работают такие атаки, чтобы в реальном мире никто не смог взломать мою защиту. Параллельно я тратил недели на то, чтобы сократить время произнесения многоступенчатых заклинаний. Некоторые требовали долгих минут монотонного речевого повторения, и упорными тренировками я научился сворачивать долгие словесные формулы в один короткий мысленный толчок.

Большая часть магического арсенала оставалась теоретическим багажом, но я понимал, что в нужный момент любая из этих скрытых в памяти карт может стать решающим козырем. Осознание пришло в один из тёплых вечеров у костра. Над огнём крутился зажаренный кабан, а Туман, Призрак и Мгла, огромные лохматые звери, дремали вокруг, создавая живое кольцо тепла. Дед неторопливо прожевал кусок мяса, отхлебнул вина из тяжёлого серебряного кубка и разрушил идиллию:

— На телепортацию особо не рассчитывай в реальном мире, Семён.

— Почему? — разочарование было искренним. Идея мгновенного перемещения казалась слишком заманчивой.

— Для неё требуется колоссальный потенциал, подкреплённый огромной связью с Источником, — пояснил он. — А какими они будут у твоего нового тела, пока загадка. К тому же портал крайне нестабилен, почти мгновенно закрывается, успевая пропустить лишь одного человека, да и то через раз. Даже я, будучи Верховным магом, не подчинил эту механику до конца.

Я отпил воды из глиняной кружки, обдумывая его слова, потом перевёл взгляд на волков и решился спросить о главном:

— Дед, мои волки чистокровные магические существа. Но в библиотеке нет ни одной строки об их лечении или поддержке. Что мне делать, если с ними что-то случится в реальном мире? Обычные чары исцеления на их изменённую природу не подействуют.

Лицо Самуэля мгновенно потеряло остатки веселья, став суровым и блёклым в отсветах затухающего костра. После долгой паузы он тихо ответил:

— Тут я бессилен, преемник. В реальном мире придётся самому искать тех, кто разбирается в магии древних зверей. Здесь таких знаний нет, иначе я добавил бы их в лабиринт в первую же секунду. Прости.

— Не за что извиняться, — ответил я, прижимаясь спиной к тёплому боку дремлющей Мглы. Я смотрел на своих волков и понимал, что они и есть моя настоящая семья в будущем, неизведанном мире. — Если возникнет проблема, решим по ходу дела. Развернём Тэн'Арин, но выход найдём.

— Вот это правильный настрой, — усмехнулся Дед, но в его глазах промелькнула тревога.

В один из дней Дед решил усложнить правила игры и поднял глаза к небу. Лазурные небеса Чертогов резко потемнели, и раздался оглушительный раскат грома. Шквал швырнул мне в лицо солёные брызги, а ослепительная молния ударила точно в крышу деревянного дома. Я сразу понял, что это не каприз погоды, а спланированная Дедом проверка. Я включился в борьбу со стихией, разворачивал ветер, отжимал пламя от бруса, не давая ему перекинуться на дом. Звери оставались равнодушными. Призрак лежал в траве, Туман философски наблюдал за огнём, а Мгла лениво развалилась в тени утёса. Они чувствовали моё спокойствие. Если хозяин не суетится, значит, мир не рушится. Постепенно мне удалось оттеснить бурю обратно в океан. Восстановление крыши и сушка бруса заняли несколько часов, после чего Дед недовольно скривился.

— Долго, Семён. Очень долго. Но для твоего уровня сойдёт.

Следом началась Магия Жизни, и учиться ей оказалось увлекательно. Требование моё оставалось неизменным. Медицинские теории нового мира мне были не нужны, интересовала чистая практика исцеления. Этим разделом Дед занимался лично и превращал каждое занятие в театр абсурда. Подозреваю, старый маг просто искал способ развлечь нас обоих. Он устраивал драматические представления, картинно ломал себе руки и ноги, протыкал живот тренировочным копьём, выбивал собственные зубы, изображал жуткие сцены кровопотери. Актёрские способности у него были безграничные. Он так реалистично стонал, заламывал руки и причитал, что мы оба покатывались со смеху посреди залитого кровью полигона.

Особенно запомнился случай, когда Дед покалечил себе обе ноги, улёгся прямо на траву во дворе и закричал: «Спасай меня, Сёма, мне невыносимо больно, я умираю!» Волки при этом безучастно наблюдали со стороны. Они уже давно привыкли к нашим бесконечным шуткам и даже не повели ухом.

— А я не хочу, — ответил я, едва сдерживая хохот. — Сам сломал, сам и лечись.

Однажды он картинно «потерял сознание», но храпел при этом с такой мощью, что ставни дома дрожали. Дед устраивал клоунское шоу намеренно. Он снимал у меня страх перед видом тяжёлых травм и открытых переломов, и чужая боль с кровью перестала быть для меня шоком и превратилась в понятную задачу. Материал запоминался идеально.

***

За весёлыми уроками исцеления последовали другие занятия, те, что ложились на грудь тяжёлым камнем. Я вовсе не был готов убивать. Мне с детства вбили, что отнимать жизнь нельзя, и эта мысль сидела во мне крепче любой магии. В первые месяцы я рефлекторно извинялся перед фантомными спарринг-партнёрами, если случайно наносил им глубокую рану. Я маскировал эту мягкость привычным сарказмом, но Дед видел меня насквозь. Он понимал, что

в жестоком и незнакомом Тэн'Арине эта мягкость станет моим приговором. И тогда Самуэль пошёл на отчаянный и страшный шаг.

Мы сражались на мечах под низким свинцовым небом, и лязг металла разносился по песчаной площадке. Я просчитал все движения противника в кожаной броне, поймал его на противоходе и точным выпадом опрокинул на колени. Я занёс клинок для решающего удара… и пространство перед глазами смазалось, а поверженный боец превратился в маленькую испуганную девочку с куклой в руках. Её голубые глаза смотрели на меня с такой невинностью и ужасом, что я замер. Жалость взяла верх. Решив, что Дед устроил очередную театральную проверку, я опустил меч, развернулся и пошёл прочь с полигона. Это была первая и самая страшная ошибка.

Я не успел сделать и двух шагов, как в спину вонзилась острая парализующая боль. Солоноватый привкус крови наполнил рот, и я рухнул на колени, не в силах вдохнуть. Из груди торчало острие клинка. В следующую секунду та самая «девочка» схватила меня за волосы, рванула голову назад и полоснула ножом по горлу. Я провалился в темноту, впервые ощутив, как гаснет моё сознание. Тело металось между огнём и холодом, время потеряло смысл и превратилось в бесконечную точку боли.

Когда я открыл глаза, надо мной раскинулось лазурное небо Чертогов, в воздухе висел запах солёного прибоя. Я лежал на песке, тяжело и хрипло дыша. Напротив стоял Дед, бледный, суровый, без намёка на привычную ироничную улыбку.

— Убийство… это всегда больно. И всегда трудно, Семён, — тихо произнёс он, и голос его прозвучал глухо и тяжело. — Но когда придёт время выбирать, жить тебе или умереть прямо там, на грязной дороге, всегда помни о тех, кто не решился. Мучить тебя, заставляя снова и снова убивать иллюзии, я не буду. Мне достаточно, чтобы твоя память намертво зафиксировала этот урок. Но я очень надеюсь, что этот опыт тебе никогда не пригодится.

После этого случая я долго молчал, глядя на бушующий океан. Смерть, которую Дед устроил ради урока, оставила незаживающий шрам.

Солнце, которое раньше застывало в зените по моему требованию, теперь медленно клонилось к горизонту, окрашивая спроектированный мной ландшафт в багряные, янтарные и золотистые тона. Домик у подножия утёса с аккуратной черепичной крышей казался особенно уютным в прощальных лучах заката. Я спускался по тропинке, вглядываясь в синюю гладь океана, и понимал, что обучение закончено. Пора двигаться дальше, навстречу неизвестности.

Мгла подошла неслышно и ткнулась массивной мордой мне в грудь. Я обнял её за мощную шею, зарываясь пальцами в густой мех. Её шерсть была плотной и тёплой. Но я помнил, на что способны эти звери. В реальном бою каждый волосок гигантской чёрной волчицы мог превратиться в стальную смертоносную иглу. Мгла смотрела на меня в упор огромными жёлтыми глазами, в которых читалась почти нечеловеческая мудрость.

— Скоро всё изменится, — прошептал я, почесав её за ухом. — Нам придётся уйти. Там, в новом мире, ты снова станешь маленьким чёрным щенком и, возможно, забудешь половину того, что было здесь… Но я буду помнить всё. Что ждёт нас там, Мгла?

В ответ волчица издала тихий утробный рык. Глубокий грудной звук вибрировал в ладонях. Белые клыки блеснули в полумраке заката. Это был её безмолвный ответ. Что бы ни случилось там, в реальности, я всегда буду рядом. Издали донёсся треск дерева. Призрак и Туман бросили бревно, с которым играли на пляже, и шаг в шаг подошли к нам. Обнажив клыки, они зарычали вместе с Мглой, и эта тройная вибрация прошлась по берегу, заставив вздрогнуть утёс. Они были согласны временно уменьшиться, потерять свои цвета и спрятать истинную мощь от чужих глаз, но их сущность стражей навсегда осталась связана со мной.

Проснувшись утром, я вышел на крыльцо. Утренний воздух был прохладным и свежим. Калитка скрипнула, и Самуэль вошёл во двор, как всегда без спешки, хотя мог материализоваться прямо на пороге. Мантия шуршала по траве.

— Ты даже меня приучил заходить как нормальный человек, через калитку, — усмехнулся он. — Доброе утро, Сёма. Давай сядем, позавтракаем… и поговорим. Время пришло.

Мы пили чай в полном молчании. Я знал, зачем он пришёл, а он знал, что я всё понимаю. Солнечные лучи пробивались сквозь кроны, играя на столе.

— От судьбы не убежишь, вроде так у вас на Земле говорят, — тихо начал Дед, поставив чашку. Голос его звучал непривычно мягко. — Красивый мир ты здесь построил, Семён. Приручил это место, видно, что с душой проектировал. Фантазия и земной интернет сослужили тебе хорошую службу. Ты запомнил много правильных вещей и отлично применил знания.

— Ну чего ты тянешь, Дед, говори уже как есть, — ответил я, но голос прозвучал тихо, почти шёпотом.

— Обучение твоё закончено, Семён. Да уже давно, если по правде, — Самуэль вздохнул и посмотрел мне прямо в глаза. — Просто… мне искренне нравилось, что ты здесь. Не как ученик, а как настоящий друг. Ты другой, парень. Без этой напыщенной магической гордыни. Спокоен, внимателен, надёжен. Увлёкся магией, выучил. Захотел рисовать, научился. Ни одна деталь не прошла мимо. А главное, ты не потерял себя. Я ведь немало сил потратил на Земле, уводя от тебя лишнее внимание людей. Ты уж поверь, слишком ярко ты выделялся. Я так и не смог решить глобальную задачу этого мира. И если у да Винчи или Теслы не получилось изменить течение мира быстро, возможно, получится у тебя. Главное, оставайся собой. Не выйдет перевернуть мир, ничего страшного. Я буду наблюдать за тобой и радоваться. Ты ведь, сам того не зная, вернул меня к жизни в этих Чертогах.

Я опустил взгляд, борясь с эмоциями. Мы молча дошли до песчаного берега, позволяя волнам лизать наши сапоги. Волки шли за нами.

— Приходить сюда сразу после перехода не получится, — нарушил тишину Дед. — На первых порах я буду перемещать тебя сам, когда посчитаю нужным, потом научишься сам. А теперь к деталям. Завтра ты очнёшься в Тэн'Арине. Уберём тебе лишние годы, оставим восемнадцать, рост подправим соразмерно. Пару лет побудешь таким, а там вернёшься к нынешнему виду. И не вздумай жрать там всё подряд, как здесь, тут еда волшебная, чистая, а там булки с салом, мигом бока наешь.

Маг расхохотался, и я впервые за утро улыбнулся. Восемнадцать лет хорошо подходили для маскировки. Молодой парень без очевидного прошлого не вызовет подозрений ни у местных, ни в Академии магии.

— Обставим твоё появление как нападение разбойников на караван, — продолжил Дед, и взгляд его устремился к горизонту. — Выживешь ты один. Легендой сделаем частичную потерю памяти после тяжёлого удара по голове. Для тех диких краёв разбойники были привычным делом. И не смотри на меня так. Настоящие люди при этом не пострадают, я всё просчитал. Очнёшься среди пепла, и дальше всё зависит только от тебя. Живи, впитывай этот мир. Но помни. Из всех здешних сил в реальном теле у тебя на первых порах останется лишь кратковременная остановка времени. Тот самый пустячок, который ты так усердно тренировал. Смотреть, но не менять. Настоящая магия вернётся только через сильное потрясение или Академию. И самое главное, Семён, про меня и про эти Чертоги никто не должен знать. Никогда. Это вопрос твоей безопасности. Приведёшь кого-нибудь, потеряешь половину жизни. Так что не спеши перед тем, как делать.

Я покачал головой, соглашаясь с каждым словом.

— Кажется, всё сказал, — Дед отвернулся к морю. — Ну а теперь мой последний подарок. Эмоции и есть та ткань, из которой соткана любая реальность, Семён. И перед уходом я напоследок поиграю на твоих.

В следующий миг пространство вокруг нас беззвучно треснуло и осыпалось. Чертоги исчезли. Ноги ощутили жёсткую опору, лёгкие обожгло знакомым влажным питерским воздухом. Я покачнулся, но ухватился за металлические перила. Я стоял на балконе своей трёхком-

натной квартиры, а внизу шумел вечерний Санкт-Петербург. Из прихожей раздался резкий и настойчивый звонок в дверь.

— Иди, встречай гостей, — негромко подтолкнул меня Дед. Он стоял позади, втиснув высокую фигуру в тесный балконный проём, и в его улыбке пряталась вековая грусть.

— Сынуля, боже мой, как же ты вырос… С днём рождения, родной! — мама бросилась мне на шею и крепко прижалась, стараясь запомнить каждую чёрточку лица. Её губы коснулись моей щеки, и по спине пробежала волна горячих мурашек.

— Ну ты и вымахал! Я же говорил, академическая гребля — универсальный спорт. С днём рождения, сын! — отец крепко сжал моё плечо. Его руки, всегда казавшиеся мне воплощением силы, едва заметно дрожали, а в голосе проскользнула нотка затаённой горечи, которую я раньше не замечал.

Комната кружилась перед глазами. Квартира была наполнена до боли знакомыми запахами домашней еды и праздничной суеты. Стол ломился от домашних угощений. Дед, играя роль профессора из моего университета, стоял у окна.

Новый звонок разорвал тишину. Открыв дверь, я едва удержался на ногах. Линда, моя взрослая земная собака, с визгом прыгнула мне на грудь, обхватив передними лапами. Её мокрый нос ткнулся мне в подбородок, и я рассмеялся, хотя смех получился надломленным.

— Здорово, дружище! С двадцать первым годом тебя! — Мишка, мой верный друг, сжал меня в медвежьих объятиях. Его широкая улыбка казалась слишком яркой, почти болезненной. За ним появилась его девушка и прошла в комнату с видом королевы, выставляя напоказ все чудеса современной пластической хирургии.

Потом была бабушка… Её объятия были долгими, тёплыми и крепкими. Она держала меня так крепко, словно прощалась навсегда.

Когда сели за стол, мой настоящий земной дед-академик протянул руку Самуэлю:

— Здравствуйте. Вы, значит, преподаватель внука? По какой дисциплине?

— По магии, конечно, — мягко подмигнул Самуэль, но в глазах его не было обычного веселья.

Отец мамы снисходительно улыбнулся, не заметив подвоха:

— Магия… Никогда не интересовался. Я всю жизнь посвятил физике, так что верю только в строгие законы природы.

Мишка протянул мне огромный квадрокоптер: «Помнишь, как мы Линду нашли? Вечером обязательно запустим!» Я кивал, чувствуя, как сердце разрывается от благодарности Деду за этот прощальный подарок. К полуночи гости начали расходиться. Мы с магом остались в пустой притихшей комнате.

— А они… они точно больше никогда не появятся в моей жизни? — спросил я, не в силах скрыть глухую тоску. — Всё слишком идеально, Дед. Как в кино.

Самуэль тяжело вздохнул, и в голосе его прозвучала боль:

— Нет, Семён. Не появятся. Я ведь предупреждал, что ко мне ты сможешь приходить только одному, без спутников. Захочешь спасти чью-то жизнь, отдашь половину своей. А про меня и Чертоги мир знать не должен.

— Спасибо тебе за этот день рождения, — прошептал я.

— Не за что, Сёма. Всё только начинается.

— Я понимаю… Просто… это ведь всё ненастоящее, да? Иллюзия?

— Само место да, — тихо признался маг. — Но их души настоящие. Я просто настроил мост. Завтра они забудут этот вечер и тебя. Иначе им было бы слишком больно жить с этой потерей. Поверь, это самый добрый выход.

Я молча кивнул. Проводив Деда, тихо закрыл тяжёлую входную дверь и вернулся в пустую тёмную комнату, но ложиться не спешил. Занимался рассвет. С закрытыми глазами было страшно. Казалось, стоит уснуть, и исчезнет последний барьер между мной и неизвест-

ностью Тэн'Арина. Перед мысленным взором проносились кадры всей земной жизни, яркие и прощальные. Мамины руки, суровый взгляд отца, школьный звонок, Питер, Линда, смех друзей… Всё, что я видел, чувствовал и любил, прощалось со мной навсегда. Под этот внутренний гул воспоминаний я погрузился в глубокий сон, чтобы проснуться в другой реальности.

***

На окраине Санкт-Петербурга занималось обычное серое утро. Мишка погладил Линду по холке, и пальцы его внезапно дрогнули. Собака вскинула голову и с глухой тоской уставилась на пустырь. Там уже кипела работа. Грохотали машины, визжали пилы, рабочие ставили первые секции глухого забора, отрезая эту землю от остального города.

— Что-то… Линда, ты тоже почувствовала?

Мишка присел на корточки и прижался к собаке.

— Наверное, показалось… — пробормотал Мишка, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Ладно, Линда, пошли домой.

В это же самое время в Швейцарии, в просторном подземном зале ЦЕРНа, мерцали холодным светом мониторы. Воздух был наполнен привычным запахом нагретого пластика и электроники. Мои родители, склонившись над графиками показателей, работали молча, но их движения были на удивление рассеянными и неточными.

— Слушай… у тебя не бывает в последнее время такого чувства… будто что-то не так? — мама вдруг оторвалась от монитора и растерянно посмотрела на мужа.

Отец нахмурился, устало потер переносицу и тихо ответил:

— Бывает. Как будто из жизни ушло что-то невероятно важное. Какая-то огромная, ключевая её часть, без которой всё остальное потеряло прежний смысл. Словно фантомная боль, понимаешь?

Они долго и потерянно смотрели друг на друга, не находя нужных слов.

— Наверное, мы просто жутко устали на этом проекте, — попытался отмахнуться отец, возвращаясь к расчётам.

— Да… наверное, просто усталость, — согласилась мама, но её взгляд то и дело уплывал куда-то в сторону дверей, словно она подсознательно ждала, что в зал вот-вот войдёт кто-то очень близкий и родной.

Часы на стене методично отсчитывали секунды нового дня. Жизнь на Земле продолжалась, несмотря ни на что, унося в прошлое память о Семёне Родионове.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.